

АЛЕКСЕЙ ВЕРТ

Создатель балагана

Алексей Верт

Создатель балагана

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8958598

ISBN 978-5-4474-0487-1

Аннотация

В Греции всё есть: безумные алхимики, столкновения паровых машин, веселые пираты, хищные мифические животные и состязания предсказателей. Правда, если ты законопослушный гражданин, на твою долю придется не слишком много приключений – потому что все погони, прятки и сражения достанутся лукавому хитрецу Юлиусу Корпсу, который вместо того, чтобы заниматься своим любимым мелким мошенничеством, зачем-то ввязался в детективную историю с тайными обществами и кражей старинных документов.

Содержание

Пролог	5
Часть первая: предгорья Олимпа – Афины	6
Глава первая.	6
Глава вторая.	13
Глава третья.	21
Глава четвертая.	30
Глава пятая.	39
Часть вторая: Киклады – Кипр	47
Глава шестая.	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Создатель балагана Алексей Верт

© Алексей Верт, 2015

© Катерина Покидышева, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Пролог

...монстр обнаружился на том же месте, где и был до этого. Оскалив игольчатую пасть, Ламия оглядывалась вокруг.

– Как прекрасно, – проворковала она. – А скоро так будет везде. Маленькая разминка перед большим сражением. Стоны раненных, остывающие тела убитых, бесчисленные разрушения. И в конце какой-нибудь герой бросит мне вызов, чтобы перед смертью осознать свою никчемность.

– Герои обычно побеждают, иначе их бы так не называли, – заметил Юлиус, размышляя, есть ли у него хоть какой-то шанс.

– Передашь привет Аиду? – Ламия, не дожидаясь ответа, оказалась возле Корпса и схватила его за горло.

Ощущение было такое, будто туман внезапно стал плотным и обернулся вокруг шеи холодным шарфом. Мороз пробежал по всему телу мошенника, а руки безвольно опустились. Вместе с тем Юлиус заметил, что Ламия изменилась. Теперь перед ним стояла прекрасная девушка с кроткой, чуть игривой улыбкой. До невозможности алые губы на бледном лице. Волосы колыхались, словно волны и, кажется, даже был слышен легкий шум прибоя. В загадочных голубо-зеленых глазах плясали искры.

«Она прекрасна. Гераклид был прав!» – Юлиус представил, что сейчас Ламия поцелует его, и почувствовал трепет в груди.

Резкий, как пощечина, вскрик младенца привел мошенника в чувство. Он увидел вытянутые иглы зубов, подбирающиеся к его горлу.

«В такие минуты, – неожиданно отстраненно подумал Корпс, – говорят, что вся жизнь проносится перед глазами. Всегда было интересно, сколько в этом выражении от правды, а сколько от метафоры...»

Часть первая: предгорья Олимпа – Афины

Глава первая. Животные и боги

– Орк тебя заberi!

Поросенок задержался и лягнул банку. Та опрокинулась, и по земле расплзлась золотистая лужа. Юлиус потянулся, чтобы спасти хотя бы остатки краски, как животное тут же с громким визгом вывернулось из рук и устремилось прочь. Пришлось кидаться следом, падать на поросенка сверху, как хищная гарпия, и поминуть Орка еще с десятков раз.

Поляна в предгорьях Олимпа выглядела так, будто накануне там одновременно паслись стадо пегасов и табун сатиров, доились золотомолочные коровы, и проводилась тренировка олимпийцев по художественной стрижке руна. Посреди всего этого великолепия сидел Юлиус, хмуро вытирал грязное лицо и приблизительно в сотый раз клялся себе никогда больше не связываться с животными. Из лежащего рядом ящика доносилось возмущенное хрюканье.

– Если бы я знал, что ты так быстро бегаешь, дружок, украл бы индюка, – мошенник примирительно похлопал по стенке ящика. – Или гуся какого-нибудь. Тому даже крылья не пришлось бы делать. С другой стороны, выдержала бы его шея искусственную голову? Сомневаюсь.

Судя по ответным звукам, превосходство над какими-то птицами ничуть не утешало пленника.

– Будешь жить во дворце... – жилище правителя в захолустном полисе Катерини тянуло разве что на приземистый бочкообразный замок, но Юлиус искренне уважал преувеличение как фигуру речи. – Жрать каждый день. По три раза. Спать вдоволь. Пузо тебе почешут. Сказку на ночь расскажут...

Будущий дворцовый житель яростно сопел и молча кидался на стены ящика. Тот скрипел и качался из стороны в сторону.

– Не сдавайся, дружок! Мы еще сделаем из тебя сатира. Или пегаса. Я пока не решил.

Подобная перспектива настолько воодушевила животное, что у него снова прорезался голос. Юлиус послушал хрюкающие рулады из ящика и вздохнул. Да уж, как говорится, грязного поросенка не отмоешь добела. Конечно, его получилось перекрасить, но издаваемыми звуками зверь выдает себя с головой, хотя голову как раз надо бы ему поменять. Проще простого, в сущности. Находишь какую-нибудь замечательную маску, закрепляешь, и вот уже готов толстенький, маленький, с прекрасным личиком...

– Подождите-ка! – Корпус подскочил и принялся возбужденно кружить вокруг ящика, продолжая повторять. – Подождите, подождите, подождите. Какие, к Орку, пегасы и сатиры? Нет, друзья мои, это не наш метод! Зачем маленькой девочке какой-то там крылатый конь? Хотя крылья нам все же пригодятся. Или к чему пугать несчастную козлоногим уродцем? Нет, нет и еще раз нет! Мы пойдем другим путем, прекрасным и неповторимым. Нельзя мыслить мелко, когда находишься буквально у подножья Олимпа!

Довольная улыбка расплывалась на лице мошенника. Он знал, что следует делать – осталось всего ничего, найти крылья и маску. С перьями просто, деревья на краю поляны чернели кляксами гнезд. Под ними наверняка что-то найдется. С маской – сложнее, но тоже решаемо. По счастью, до Катерини, где наверняка была театральная лавка – пара часов на поезде.

– Ну, дружок, нас ждет великое будущее, – Юлиус Корпс похлопал по ящику. Притихший было поросенок протяжно и тоскливо хрюкнул.

...

В эту историю Юлиус позволил себе влезть по двум причинам. Во-первых, неистребимое желание надуть ближнего своего. Во-вторых, у него закончились деньги.

Едва стоило мошеннику сойти на станции, как маленький, даже тщедушный (если бы так можно было сказать о городе) недополис Катерини, славный лишь своей близостью к жилищу олимпийских богов, вдруг расцвел яркими красками афиш и объявлений.

«Внимание! Поймите шанс! Заработайте невиданное богатство!» – упрасивали они. И Юлиус попросту не смог противостоять этому волшебному зову, который привел его ко дворцу местного правителя, где мошенник узнал, что в честь седьмого дня рождения дочери тот хочет заполучить для нее мифического зверя. И предлагает за такое чудо тысячу драхм.

– Тысячу, – благоговейно прошептал Юлиус и принялся за дело.

Естественно, никакое мифическое животное он не собирался искать. Поймав поросенка и украв банку краски, Корпс сбежал подальше от людского общества – тем более, «божественные» предгорья славилась фруктовыми садами и прекрасными видами, что просто необходимо для вдохновения. Там извел всю позолоту на самого хряка, а теперь – на самодельные крылышки, которые с трудом, но таки удалось закрепить на поросенке. Оставалось только облагородить морду зверя, который рылом никак не тянул на нечто мифическое.

– Сиди здесь тихо, – напутствовал Юлиус зверька, пряча ящик в темную пещеру. – А не то тебя кто-нибудь сожрет, и мы не сможем стать богатыми.

Поросенок покорно хрюкнул. Он уже, кажется, начал понимать, что чем меньше сопротивляться – тем быстрее все закончится.

Довольный собой и окружающей действительностью Корпс отправился на станцию, где взял билет на скоростной поезд и уже вскоре оказался в Катерини. Хорошее настроение, однако, улетучилось практически сразу по прибытии, когда мошенник посетил единственную лавку, где продавали маски

– Какой это, порази меня Зевс, полис? Деревня! Ни одного нормального лица – одни уродцы и страшилища. Это ли надо маленькой девочке?! – возмущался Юлиус, рыская по улицам полиса. – Так, надо успокоиться и подумать. Мне что нужно? Маска. Какая? Прекрасная. Могу ли я сделать ей сам? Пожалуй, что нет. Ловкость рук – прекрасное качество для мошенника, но вот пристрастия к изобразительным искусствам я доселе в себе не ощущал. Значит что? Значит, надо найти человека, который сможет сделать маску. Или послужит моделью для нее. Ага! Кажется, светлое будущее становится ближе.

Спустя час мошенник уже передвигался по Катерини, вооружившись свертком с мокрой глиной. Оттуда капала вода и со всех сторон сочилась коричневая жижа.

На улицах тем временем загорались редкие фонари. Юлиус вытер лицо рукавом, жалея, что рядом нет зеркала – хотя, в сумерках грязное лицо внушает гораздо больше доверия, чем при свете дня – и зашагал на главную площадь, бормоча под нос: «Только сегодня и только для вас, наиточнейшая копия лица. Заплатите сегодня деньги и завтра получите единственную в своем роде, вашу личную маску. И абсолютно бесплатно – лечебный эффект от целебной глины, собранной на берегах подземного озера. Устранение морщин, выравнивание цвета лица, омоложение...» Не может быть, чтобы на такое бесценное предложение не клюнула хотя бы одна дурочка.

Конечно, было бы гораздо лучше, если бы просто существовала какая-нибудь машина по созданию масок с заданными параметрами. Но алхимики и ученые, день и ночь корпевшие над своими изобретениями, предпочитали создавать штуки громоздкие и многозначительные, вместо того, чтобы заняться насущными проблемами.

Оставалось надеяться только на везение, и удача улыбнулась Корпсу гораздо раньше, чем он дошел до площади. Его толкнули сзади, да так сильно, что Юлиус чуть не выронил сверток с глиной.

Он уже собирался начать обличительную речь, но толкнувший сам рассыпался в извинениях:

– Прошу вас, простите. Если бы я не задумался, то никогда не толкнул бы вас, а я бы не задумался, если бы не находился в рассеянности, а рассеянность моя обусловлена...

–..ладно, оставим это, – Юлиус слишком торопился, чтобы тратить время на долгие извинения-объяснения. Однако незнакомец схватил его за рукав.

– Простите, вы не знаете, где шестнадцатый дом по Виноградской улице? Я уже полчаса ищу его и опаздываю, а дело величайшей важности...

– Нет, не знаю, – мошенник решительно вытащил рукав из толстых пальцев навязчивого собеседника и уже отвернулся, чтобы идти, но тут...

– Меня пригласили, чтобы сделать посмертную маску, и опаздывать в такой ситуации..

– Согласен, никак нельзя! И мой долг, как порядочного гражданина, помочь и даже проводить!

Юлиус ожидал, что сейчас незнакомца придется уговаривать и навязываться, но тот оказался безмерно доверчив.

– Так где, вы говорите, этот дом?

Собеседник смотрел на Корпса, потирая переносицу и смешно таращась. На первый взгляд, его можно было бы счесть силачом, однако наметанный глаз сразу бы подметил: мышцы в теле есть, но большая их часть заплывла жиром. Глаза смотрят простодушно и слегка глуповато. Ну, а что касается рук, то они казались слишком изнеженными для скульптора, пусть даже посмертного.

«Хотя, кто его знает, как они должны выглядеть? Других вариантов у меня все равно нет, а потому надо пользоваться этим подарком Фортуны», – подумал мошенник и обезоруживающе улыбнулся незнакомцу:

– Не знаю, мой друг, где дом, но мы непременно с вами это выясним. Кстати, меня зовут Юлиус Корпс, и я – вот совпадение! – тоже занимаюсь скульптурой. Правда, знаете ли, только начинаю. Вот, с глиной вожусь.

Корпс ткнул свертком почти в нос незнакомцу, тот отдернулся.

– Глина очень хрупкая, – заметил он и покраснел. – Меня зовут Гераклид. Но давайте найдем дом.

– Конечно, всенепременнейше, мой друг! – мошенник отбросил бесполезный теперь сверток и бросился к ближайшему прохожему, таща за собой новоявленного знакомого.

– Гражданин, где находится шестнадцатый дом по Виноградской улице? – строго спросил Корпс мужчину, который при повелительных интонациях тут же напрягся.

– Кккажется тттам, – он ткнул пальцем в темноту и исчез.

– Ну, вот видите? Проблема решена, можно идти.

Дом действительно оказался «там». Монументально возвышался над Юлиусом, подавляя барельефами, скульптурами, колоннами и прочими украшениями. Непроизвольно сглотив, мошенник поежился. Кажется, он собирался вторгнуться без разрешения к весьма влиятельным людям.

– Богато живут, – протянул Юлиус.

– Да уж, – поддакнул Гераклид и опять покраснел.

В ответ на стук дверь распахнулась практически сразу же. Вышколенный слуга смерил подозрительным взглядом обоих посетителей, но тут его отодвинули в сторону. Необъятных размеров женщина, напомнившая Корпсу об оставленном поросенке, заполнила весь проход и с чувством глубокого удовлетворения произнесла:

– Ах, Герик, вот и ты!

– Здравствуйте, тетя Алкиона, – пробурчал «Герик».

– Все уже готово. Но кто это с тобой? Ты не говорил, что придешь с другом. Возможно, нам стоило бы приготовить больше еды, я распоряжусь, вы не сомневайтесь.

– Простите мою бестактность, – повинился Юлиус, сумев заставить себя прекратить мысленный смех над «Гериком». – Дело в том, что ваш замечательный племянник решил дать мне уроки скульптуры, за что я ему премного благодарен. Это большая честь – учиться у такого мастера.

– Герик, ты не говорил, что будешь с учеником.

Гераклид хотел было что-то сказать, но Корпс все решил за него.

– Да-да, видите ли, дражайшая Алкиона, я совершенно случайно встретился с ним, но мы быстро нашли общий язык. А сейчас позвольте нам пройти и приступить к работе. Мертвые, как вы понимаете, не ждут!

– Вы уверены, что не ждут? Впрочем, о чем я? Проходите.

Алкиона грациозно отплыла от дверей, давая «учителю и ученику» возможность протиснуться, а затем повелительно кивнула слуге:

– Николис, проводи Герика и его ученика в кабинет отца. Герик, ну вы же потом спуститесь и все расскажете? Я тебя столько не видела! Как там поживает моя любимая сестра? Наверняка опять мучает себя голодом на какой-нибудь новой диете.

– Она в порядке, – Гераклид, кажется, так и не переставал краснеть.

– Отлично! Я смотрю, она уже отпускает тебя одного и так далеко, надо же. Скажи, а она уже подыскала тебе невесту?

– Эм...

– Уважаемая Алкиона, я думаю, не стоит разговаривать о настолько фривольных вещах в такой момент, – выступил вперед Юлиус. В глазах мошенника читалось страдание. – Я думаю, после совершения всех ритуалов, когда дух мертвого не будет витать над телом...

– Я поняла, – дама склонила голову. – Действительно. Какое неподобающее поведение для дочери, чей отец, умерев, оставил такое огромное состояние.

На несколько секунд в голове Корпса завертелись шестеренки, складываясь в различные комбинации прекрасных планов по отниманию денег у ближних. Он настолько задумался, что едва не упустил из вида Николиса, уведившего Гераклида. Мошенник быстро их нагнал, по пути заметив несколько фарфоровых ваз и мелких статуэток, которые наверняка можно было выгодно продать.

«Не о том думаешь, – оборвал сам себя Юлиус. – Что значит несколько ваз по сравнению с богатством, к которому судьба ведет тебя огромными шагами? А попасться сейчас на воровстве – собственными руками низвергнуть в Тартар эту замечательную возможность».

Успокоив порыв kleptomании, Корпс оказался в комнате, где на огромном деревянном постаменте лежал труп мужчины. Это был старец с решительным подбородком, остро очерченными скулами и таким выражением лица, что поверить в его смерть было невозможно. На взгляд Юлиуса, подобные люди умирают только тогда, когда сами того захотят.

Взгляд мошенника скользнул по Гераклиду, и сердце в груди предательски дрогнуло. Такой растерянности в чужих глазах Юлиусу давно не приходилось видеть. «Посмертный скульптор» смотрел в угол, где на маленьком столике лежали резак и ножички, проволока

для каркаса и стояла емкость с гипсовым раствором. Все это сияло так, словно еще пять минут назад стояло в лавке с названием вроде «Мир искусства».

– Вы же знаете, что делать? – спросил Корпс осторожно.

– Что за намеки? – взвился Гераклид. – Конечно же, знаю! Я учился у лучших мастеров!

– И сколько масок вы уже сделали, мой друг?

– Что ты ко мне пристал? Сначала там, на улице. Потом пробрался в дом, а теперь вот еще сюда! Мне кажется, ты что-то замышляешь! – перешедший на «ты» скульптор некоторое время буравил взглядом Юлиуса. – И я даже знаю, что! Ты хочешь украсть мою специальную технологию!

– Ну, разумеется, нет, – Корпс выдохнул. – Я хочу научиться у достойнейшего. Простите мои вопросы, просто я немножко волнуюсь. Тут ведь мертвец...

– Вот и проявите уважение!

Гераклид решительным шагом прошел к столику, но несмотря на заявление о «лучших мастерах», мошенник уловил в глазах скульптора нерешительность. Пальцы того пробежали по инструментам, затем метнулись к проволоке, но чуть позже схватили емкость с раствором, и тут же, словно действуя по наитию, опустили ее прямо на голову мертвеца, залив лицо и волосы быстротвердеющей жидкостью.

Юлиус отшатнулся, чтобы его не задело брызгами. Он не был никогда силен в скульптуре – это да. Но видеть ТАКОЕ...

Мошенник просто не знал, что сказать. Умевший всегда придумать что-нибудь к месту, он растерялся и с выражением безграничного ужаса наблюдал, как Гераклид неуклюже размывает грязно-белый раствор по лицу мертвеца, стараясь очертить линии.

«В конце концов, это его родственник. Наверняка, у него есть какие-нибудь права для подобного обращения», – пытался успокоить себя Корпс.

Между тем Гераклид закончил. Вытащил из-под стола ведро с водой и начал мыть руки. Оглядевшись в поисках полотенца, он поморщился, затем потянулся к покрывалу, прикрывавшему старика, но под взглядом Юлиуса покраснел и вытер ладони об штаны.

– Вот так это делается, – беспечно сказал скульптор пару секунд спустя. – Теперь только осталось подождать, чтобы засохло. Потом отдираем, и маска готова.

– Поразительно...

– Да. Эта технология поражает воображение, – приосанился Гераклид.

– И как долго ждать?

– Совсем немного. Это быстрозастывающий раствор.

Юлиус кивнул и понадеялся, что никто не зайдет до того момента, пока маска не будет готова. Родственник там или не родственник, но у мошенника было четкое ощущение, что скандала не избежать.

– Я сочинил эпитафию в честь деда. Мне кажется, сейчас самое время ее произнести.

Юлиус пожал плечами. Он мысленно торопил время изо всех сил, и был шанс, что так оно пролетит быстрее.

Гераклид гордо поднял голову и расправил плечи. В этот момент его нелепая фигура приобрела некую торжественность.

Однажды умер дед внезапно

А я про то когда узнал

То понял сразу и печально

Что стану дедом и помру

– Достаточно! – взмолился Юлиус и тут же был одарен обиженным взглядом. – Кажется, маска готова.

Даже если раствор еще не до конца застыл, он вдруг почувствовал, что готов на все. Лишь бы прекратить стихоизвержение. После «поражительной технологии» это был новый удар по чувству прекрасного, и мошенник очень переживал, что чувство может не выдержать.

Тем временем обида исчезла с лица скульптора, сменившись сосредоточенным любопытством. Толстые пальцы попытались снять маску с лица покойного, но ничего не вышло. Тогда они попробовали сильнее, но вновь не получилось. Напрягшись, Гераклид дернул... и едва не отлетел в сторону, крепко сжимая маску в руках. По счастью для Юлиуса – она не пострадала.

Что же касается мертвеца – тому повезло меньше. Часть волос оторвалась вместе с гипсом, оставив громадные проплешины. Кожа местами слезла или прилипла к раствору, отчего покойный теперь напоминал человека, который, умерев, пролежал еще с месяц.

– Я – труп, – сглотнул Гераклид.

– Спокойно! – Юлиус понял, что это и есть долгожданный шанс. – Давай маску сюда, дружок. Так, ага. Сейчас я спускаюсь вниз и начинаю рассказывать твоей тетушке о том, как все прекрасно получилось и показываю труд. Ты тем временем маскируешь следы.

– Как?!

– Не знаю!

Корпус выскользнул за дверь, пряча маску под одежду. Спускаясь по лестнице, мошенник едва не столкнулся с Николисом. Тот грациозно приподнял одну бровь, и Юлиус поспешил ответить на молчаливый вопрос.

– Нельзя мешать творцу, – он многозначительно закатил глаза. – Какой мастер, какой талант!

Николис смотрел недоверчиво. Он явно знал Гераклида достаточно, чтобы понять несоответствие персоны и эпитетов.

Однако Юлиус лишь кивнул на прощание, выскочил за порог и постарался быстрее затеряться на улицах. Сжимая маску, он спешил на обратный поезд. Конечно, получилось не так, как он задумывал, но все же удалось раздобыть хоть что-то.

Представив, каково придется Гераклиду, когда его застукают над изуродованным трупом, да еще и без маски, мошенник посочувствовал бедняге. Однако спасти незадачливого скульптора в его планы не входило. «Это тебе за стихи. Мы квиты», – мстительно подумал Юлиус Корпус и улыбнулся.

Впереди его ждало богатство.

...

Наутро мошенник извлек поросенка из ящика и тщательно его осмотрел. Позолота нигде не стерлась, щетина блестела и переливалась при свете солнца, даже самодельные крылышки не слишком помялись. Немного подумав, Юлиус оторвал длинную полоску ткани от запасной рубашки и соорудил вокруг поросенка шеи что-то вроде клоунского жабо. Поцокав языком, замотал морду животного крепкой бечевкой – за что удостоился двух чувствительных ударов копытом в живот. Не обращая внимания на боль, он с помощью клея, который остался от производства крылышек, закрепил на морде поросенка посмертную маску.

Образ в итоге получился сомнительный. На Юлиуса пустыми глазами смотрел умудренный жизнью престарелый купидон – с морщинами и складками на лице, с непропорционально маленькими крыльями, с золотым телом и почему-то – с копытами и хвостом. В энциклопедии он выглядел по-другому. Однако мошенник считал, что главное в товаре –

это не его суть, а правильное представление, поэтому, бережно прижав к себе «купидона» и репетируя торжественную речь, Юлиус пустился в путь.

Он миновал домики на окраине полиса, стараясь не попадаться никому на глаза (поросенок был родом из здешних дворов), и зашагал к дому правителя. Через два квартала за ним уже следовала толпа зевак – не каждый день по городским улицам носят мифических существ... даже не существ, а богов! Юлиус вежливо и толково отвечал на любопытные вопросы:

– Нет, летает он не шибко высоко, только потому я его и поймал... Да, старый уже – но хи-и-итрый, чуть было не выстрелил мне в сердце из своего лука. Промажнулся, только это меня и спасло... А веревки на нем распадаются сами собой, поэтому несу в руках...

Судя по кивающим слушателям, Юлиус был достаточно убедителен.

Двери в обитель городского главы оказались закрыты. Мошеннику пришлось долго топтаться у порога и несколько раз жать кнопку звонка, пока ему не открыли.

– Чего надо-то?

Слуга явно был не слишком вежлив, но Юлиус лишь улыбнулся в ответ на грубость. Нужно уметь держать себя в руках, как бы с тобой ни разговаривали.

– Я по объявлению, дружок. Принес мифическое существо для дочери хозяина.

– Ты опоздал, подарок доставили еще вчера вечером.

Мошенник едва сдержался, чтобы не выругаться от досады, и вовремя подставил ногу, чтобы не дать захлопнуть дверь перед своим носом.

– Но мое предложение гораздо лучше! Это даже не зверь, а бог! Позови правителя...

– У нас тоже не зверушка какая, а сам Двуликий Янус. Велено – больше не пускать никого.

Юлиус заскрипел зубами. Его чудесные планы рассеялись, как дым. Снова придется воровать, ехать на сцепке между вагонами, ночевать в рощах на окраинах – там поменьше опасных бродяг – и искать новые способы обогащения. Не сказать, чтобы это было в новинку, но он-то было понадеялся на приятную паузу в кочевой жизни...

Тут любопытствующие отвернулись от мошенника – напротив крыльца затормозила повозка, которая привлекла внимание толпы. Сначала из нее вылез дородный мужчина, потом он бережно спустил с подножки маленькую девочку, а следом за ней... Юлиус почувствовал, что его наполняет ярость. Следом за девочкой из повозки вылез карлик в вычурной одежде и смешных длинноносых ботинках и как будто демонстративно завертел головой, показывая второе лицо на затылке. Лицо, очень, очень похожее на маску, во всяком случае, для наметанного глаза.

«Это кто ж такой умный, украл мою блестящую идею? – подумал Юлиус, у которого аж потемнело в глазах от злости. Он не слишком философски воспринимал, когда у него одалживали или забирали вещи, а уж собственные мысли и изобретения считал принципиально неприкосновенными. – Это кто ж скупил все маски в театральной лавке, чтобы я не сумел его опередить? Это кто ж...»

От негодования он на мгновение забыл о «купидоне», чем тот незамедлительно воспользовался. Поросенок лягнул мошенника двумя копытами, вывернулся из рук и, упав на землю, устремился прочь, мотая головой. Через пару метров он сбил на землю старушку, через каких-то пять секунд врезался в дородного господина. Даже если ты правитель полиса, это не гарантирует тебе безопасность при столкновении со слепыми свиньями. Мужчина пошатнулся и чуть не сел на собственную дочь. Та испуганно закричала, двуликий карлик истерически заржал, а интуиция Юлиуса подсказала тому: «Срочно делай ноги!»

Не было никакого повода, чтобы ее послушаться.

Глава вторая. Обманщики и обманутые

Юлиус Корпс дождался, пока фермер, который уже в пятый раз за последние два часа проводывал животных, уйдет, и вылез из укрытия. Мошенник отряхнулся, хотя это не помогло – он по-прежнему был весь перепачкан грязью, а вагон заполняла немыслимая вонь.

Свиньи, завидев Юлиуса, обступили его со всех сторон, возбужденно похрюкивая.
– Брысь!

Корпс сопровождал просьбу пинком, и несчастный хряк, обиженно завизжав, бросился прочь, чем спровоцировал очередную толчею. Возникла серьезная опасность быть затоптанным свиньей. Точно так же, как одна из их племени совсем недавно растоптала надежду мошенника на богатство.

«Не обманывай себя, – подумал Юлиус. – Ее растоптала не свинья, а лживое отродье, укравшее твою гениальную идею!» Оскалившись в неровном свете вагона и заскрежетав зубами, Корпс напугал свиней так, что они предпочли оказаться подальше.

С досадой махнув на них рукой, Юлиус открыл потертую временем, но до сих пор сохранившую следы богатых украшений торбу и вытащил оттуда помятую газетную вырезку месячной давности.

«Полис Лариса: Ежегодное соревнование предсказателей „Второй Оракул“ приглашает участников. Продемонстрируй свое пророческое умение и выиграй поездку в Дельфы к настоящему Оракулу и солидные премиальные. Участие может принять любой желающий, гадать можно на чем угодно».

Корпс по большей части не любил продуманных планов, предпочитая импровизировать на ходу, но предыдущая неудача лишила его почти всех накоплений, а потому настало время для запасного варианта. Что касается поездки, то Дельфы были знаменитым полисом, и там наверняка найдется много желающих отдать свои драхмы мошеннику. В общем, возможность доехать в хлебное место в спокойствии и комфорте была не лишней.

«А еще надо разыскать наглеца, посмеявшегося перебежать мне дорогу, – подумал Корпс. – И обязательно заставить его испытать унижение, которое будет соизмеримо с моим. А лучше – в два или три раза больше». На мгновение мошеннику захотелось наподдать какой-нибудь свинье прямо в рыло, но это было слишком низко. Да и если вымещать злость на ком попало, то ее совсем не останется, когда придет время настоящей мести.

Свиньи не подозревали о мыслях Юлиуса, но прижимались к стенкам вагона и желали, чтобы этот странный тип оказался подальше от них. Их желание осуществилось буквально через пару часов, когда поезд остановился.

Мошенник выскочил из вагона, с блаженством вдохнул чистый воздух и с недоумением воззрился на представшую его глазам картину крохотного недополиса.

– Вот это? – спросил он недоуменно. – Вот это вот и есть то самое место?! Знаменитое место предсказательской бойни? Известный полис Лариса?

Висевшая неподалеку табличка скрипела на ветру и указывала, что Юлиус ничуть не ошибся.

– От малого до великого – один шаг, вздохнул Корпс и зашагал по узким пыльным улочкам от вокзала.

Юлиус по инерции продолжал верить в лучшее, продвигаясь к центру полиса, когда заметил огромный купол, сооружаемый рядом с Ларисой. Показалось даже, что им вполне можно накрыть и сам городишко – столь велико было строение.

«Ага! Вот где будет проходить все действие! – воодушевился мошенник. – Это меняет дело. Размах поистине гигантский. Вот и он, этот самый шаг до великого!»

В городе Юлиус первым делом отыскал таверну, но, несмотря на голод и жажду, сначала прогулялся взад-вперед вдоль фасада, изучая расположение окон. Всегда неплохо знать пути отступления, если собираешься поесть бесплатно. Конечно, в торбе имелось некоторое количество вещей, в обмен на которые можно было заполучить кружку вина со специями и тарелку с сыром и овощами, однако это не означало, что каждый трактирщик мог оценить уникальность предложенного. А ведь, к примеру, новейшим пятновыводителем, хотя он и предназначен для стирки, можно было и деревянные столы протирать...

Приняв уверенный и напыщенный вид, с которым обычно заходят в магазины и таверны состоятельные люди, Корпс шагнул через порог «Очень спелой виноградной лозы и лучшего жаркого в городе: спешите!». Хозяин заведения явно питал склонность к избыточному заполнению пространства – помимо названия, которое едва помещалось на вывеске, он не пожалел и мебели. Столики и стулья располагались настолько близко друг к другу, что пройти между ними не представлялось никакой возможности. Надо было пролезать и протискиваться. Однако, судя по количеству народа, это неудобство никого не смущало – на первый взгляд, все места были заняты. Юлиус задумался: не поискать другого места для еды? Вряд ли хозяин таверны, загруженный работой по уши, будет вникать в преимущества пятновыводителя над деньгами, когда последние и так текут рекой.

Однако, уже почти развернувшись, мошенник замер на полуобороте, почувствовав, как дрогнули колени. В центре таверны, стоя на столе, высокий мужчина громко рассказывал толпе про то, как изловил двуликого Януса, чтобы преподнести его маленькой девочке на день рождения. Он красочно вещал, помогая себе красивыми жестами и размахивая длинной тростью. В момент, когда незнакомец продемонстрировал зрителям избиение проворного и «весьма опасного» Януса и взятие его в плен, Юлиус почувствовал, что забыл и о голоде, и о жажде.

«Избил и добыл, как же, дружок – шипел господин Корпс сквозь зубы, пробираясь вдоль стены поближе к рассказчику. – Лучше скажи: скупил маски и опустошил лавку. Ишь, заливаешь. Фигляр орков, чтоб его Сцилла с Харибдой поделили». Мужчина тем временем продолжал разливаться соловьем, повествуя о том, как нелегко было приручить плененного Януса.

– Знали бы вы, как трудно договориться с богом, которого ты победил...

«Знал бы ты, как тяжело придется со мной, которого ты нечестно обставил», – Юлиус разминал длинные пальцы и сдерживал желание подхватить с соседнего стола кружку и швырнуть ее в голову мерзавца. Или подобраться поближе и с удовольствием вцепиться ему в горло, предварительно сбив на пол. Подобной вспыльчивости он никогда за собой не наблюдал, но сейчас ему было не до того, чтобы анализировать собственное поведение.

По счастью, мошенник вовремя вспомнил, что блюдо мести должно подаваться холодным. Ни на секунды не сомневаясь, что незнакомец прибыл сюда для участия в соревнованиях, Корпс тут же предсказал ему поражение, и принялся размышлять, как заставить это пророчество сбыться, стянув кружку вина у какого-то зеваки, который вместо того, чтобы пить, заслушался рассказом о доблестной победе над Янусом. Отсев от объекта ненависти подальше, чтобы тот не мешал думать, мошенник решил, что обставить, а лучше подставить, как это сделали с ним, противника – задача важная, но не первостепенная. В первую очередь нелишним было позаботиться, чтобы жажда мести не затмила способности Юлиуса-пред-

сказателя, и деньги в конечном итоге все же оказались в кармане у него, а не у какого-нибудь горе-пророка, которому удастся случайно брякнуть что-нибудь действительно важное.

В торбе у Корпса хранилась книга с советами на все случаи жизни. Она была своего рода сентиментальным талисманом мошенника, хотя тот ни разу не воспользовался подсказками. Написав ее в ту пору, когда шальная мысль «стать писателем» еще не выветрилась из головы, Юлиус позднее обнаружил, что загадочный слог, к которому он прибегнул, идеально подходит для того, чтобы дурить голову собеседникам.

Достав книгу, Корпс наугад раскрыл ее и прочитал: «Одиннадцать разбудят двенадцатого, и будет свершен полный оборот, и наступит новая эпоха, чьим отсчетом вновь станет первый и никакой другой больше». Ну, чем не прекрасное предсказание? Особенно если учитывать, что речь идет всего-навсего о полном обороте стрелок на часах. А ведь сколько еще удачных толкований можно придумать!

Воодушевленный Юлиус улыбнулся. Предсказывать, используя заумные слова и толкуя их так, как этого хочет тот, для кого гадают – беспроницаемый способ. Тут даже думать не надо.

Единственным недоразумением оставалась обложка. Если сами страницы, растрепавшиеся со временем и придававшие книге вид древнего фолианта, идеально подходили для своей роли, то обложка должна была вселять уважение. Но почерневшая кожа, на которой еще можно было разобрать «Юлиус Корпс – Избранные мысли», никоим разом не подходила. Здесь требовалась внушительная картина с седым старцем, например, над которым кружили гарпии, били молнии, а рядом, конечно же, стояла красавица.

Юлиус злорадно ухмыльнулся, предчувствуя скорый триумф, но тут взгляд его скользнул в сторону входа и там столкнулся с тем, кого мошенник абсолютно не рассчитывал здесь увидеть. Тяжело дыша и затравленно оглядываясь, словно по его следам бежал Цербер, возле дверей стоял давешний знакомый, Гераклид.

– Вот ведь усмешка Фортуны, – поморщился Юлиус.

Появление этого человека никак не вписывалось в планы Корпса. Даже если сейчас остаться незамеченным, то не исключено, что уже завтра, во время соревнований, этот полный – во всех смыслах – неудачник начнет рассказывать людям, что Юлиус его обманул. И ведь наверняка найдутся те, кто поверит. А предсказателю негоже иметь подпорченную репутацию.

Самое лучшее, что тут можно было сделать – воспользоваться заветом древнего полководца, которому всегда претило отступление.

Издав дикий крик радости, мошенник замахал руками, привлекая внимание Гераклида. Тот поначалу не мог сообразить, что кричат именно ему, а потому топтался на месте. Юлиус уже начал думать, что придется вставать из-за столика, на который плотоядно бросал взор одноглазый старец, подпирающий стену неподалеку, но в конце концов толстяк понял, что от него требуется.

Завидев Юлиуса, он сначала чуть было не бросился бежать. Затем посуровел лицом, сжал кулаки и с непоколебимой решимостью древнего тарана стал пробивать дорогу к столику.

Едва он подошел ближе, как мошенник нанес упреждающий удар.

– Кого я вижу! – воскликнул Юлиус с неподдельной радостью. – Это же великий скульптор Гераклид. Талантливейшей из талантливейших. Непревзойденный мастер посмертных масок. Это просто чудо, как он обращается с гипсом...

Уловка сработала. При упоминании о гипсе Гераклид скис и подошел к столу почти в том же состоянии, в котором мошенник оставил его в доме тетушки. Особо на него подействовали десятки глаз, которые разом устремились на скульптора.

– Присаживайся, мой друг, присаживайся!

Юлиус легким движением сбросил с соседнего стула какого-то оборванца, который спал, уткнувшись в сложенные на столе руки. Гераклид подозрительно взглянул, осторожно ощупал предложенное сиденье и тяжело опустился за стол. По лбу толстяка ползли наперегонки струйки пота, он тяжело пыхтел и то и дело потирал щеки, покрытые нездоровым лихорадочным румянцем. Было очень похоже на то, что парень бежал всю дорогу от дома тетушки до таверны, уж больно он выглядел запыхавшимся и измотанным.

– Озлобленные родственники на пятки наступают? – Юлиус перегнулся через стол и тепло улыбнулся «великому скульптору». – Стоит ли мне бояться скорого вторжения тетушки в эту гостеприимную таверну? С суровым Николисом и деревянной скалкой в качестве компании и поддержки?

Гераклид покраснел еще сильнее, и щеки его приобрели уже цвет не помидора, а переспелой черешни. Он обличающе указал дрожащим пальцем на собеседника:

– Ты...

– Да, я. Именно я. Невинно пострадавший из-за тебя, между прочим.

– А...

– Мне пришлось отвлекать внимание всех слуг на себя! Ты знаешь, сколько их было?

– Нет...

– Десяток! – Юлиус расправил плечи и приосанился. – И все явно хотели не просто сыграть в догонялки. Я бы мог очень быстро скрыться – на улице хватало прекрасных подворотней, темных палисадников и перекрестков. Однако я понимал: тебе нужно время, чтобы выбраться из дома и не быть пойманным охраной, поэтому я до последнего создавал иллюзию, будто меня легко поймать. Полночи бегал по освещенным улицам, Орк бы их побрал, сбил пятки, получил камнем по затылку и расколотил вдребезги несчастную маску, рухнув в колодец, не закрытый решеткой. А что ты делал в это время?

Мошенник замолчал, соорудил обиженное лицо и постучал пальцами по столу. Гераклид выглядел так, будто накануне его неожиданно стукнули пыльным мешком, пнули любимого щенка и пообещали всю оставшуюся жизнь кормить только кукурузной кашей. Весь энтузиазм, с которым он устремился было от порога к Корпсу, бесследно испарился. Довольно жестоко было подливать масла в огонь, но Юлиус не сдержался – да и не хотел сдерживаться:

– Надеюсь, у тебя получилось выбраться в окно по виноградной лозе и уйти задними дворами? Уходя, я прочитал в твоих глазах именно такой план.

– Не было никакого плана! – толстяк заговорил тоненько, будто ему наступили тяжелым ботинком на горло, и для дыхания и слов осталась только маленькая щелочка. – И тетя меня застала прямо над... телом. Даже оправдываться не пришлось. Просто выгнали с позором. И нажаловались маме...

– Ужасно, – Юлиус вскинул бровь. – И что? Она наказала тебя? Лишила сладкого перед сном? Поставила в угол?

Ну, невозможно, абсолютно невозможно обращаться на «вы» к человеку, который говорит таким детским голосом о вещах, которые выеденного яйца не стоят, трагически закатывая при этом глаза.

Гераклид дернулся, задрожал всем телом и стал вылезать из-за стола.

– Эй, куда? – Юлиус схватил его за рукав. – Дружок, а как же мы будем рассчитываться? Хотелось бы получить благодарность – как минимум, на словах. Хотя на хлеб их не положишь, в кошелек не ссыплешь и курицам на корм непустишь. Я ведь старался, буквально спас тебя, попортив собственную шкуру... и репутацию, что уж молчать об этом. Теперь никто не хочет брать меня к себе учеником.

– Мне очень жаль. Я не знал о ваших лишениях, ибо предположил, что вы сбежали, оставив меня на произвол злой судьбы с несчастным мертвецом в премерзкой ситуации, когда невозможно оправдаться, если вдруг...

«Все-таки скульптор, – устало подумал Юлиус. – Ишь, какие памятники из слов возводит. Образованный человек, сразу видно. Ну, тем лучше». Жизненный опыт, данный мошеннику в десятках ограблений, подлогов и взяток, недвусмысленно говорил о том, что именно образованные персоны, которые кичатся полученными знаниями, но не любят самостоятельно думать, – лучшие объекты для шуток, розыгрышей и беспроblemного отъема денег. В то время как простой рабочий давно уже догадается, что его дураят, и помчится следом за мошенником с палкой в руках, ученый или писатель все еще будет продолжать надеяться на то, что уж его-то никто не сможет надуть. Ибо как можно надуть того, кто протер шесть штанов на гимназической скамье и в силу этого «не в пример умнее плебса»? Последнюю фразу чересчур образованные произносили через губу и с полной уверенностью в правоте высказывания. Юлиус, сам сбежавший из университета после практики в архиве, где заставляли ворочать гигантские каменные плиты и разбирать еле различимые царапины на базальте, умных людей уважал, но образованных – дурил при первом удобном случае.

Не дослушав фразу Гераклида, которая перевалила уже за два десятка оправданий, Юлиус прекратил этот фонтан красноречия, достав из торбы книгу и громко хлопнув ей по столу.

– Я буду считать себя отмщенным, – улыбнулся он, – если ты поможешь мне с драгоценным древним фолиантом. Я просто уверен, дружок, что ты разносторонне одаренный человек и наверняка умеешь рисовать.

– Конечно! – круглое лицо Гераклида тут же расплылось в самодовольной улыбке. – Я, правда, ранее делал это лишь для собственного удовольствия и не демонстрировал своих картин другим людям – только друзьям, и то не всем, однако...

– Однако, если я попрошу тебя перерисовать какую-нибудь картину, чтобы составить представление о твоём мастерстве?

– Пф, – Гераклид презрительно выпятил губу. – Перерисовать? Это же бездумное, слепое копирование, в нем нет ни творчества, ни мысли, ни глубокого смысла...

Но мошенник уже поднимался из-за стола:

– Пойдем, заглянем в библиотеку и выберем образец.

Юлиус надеялся, что несмотря на неудачу со скульптурой проблем не возникнет. В конце концов, скопированный рисунок сложнее испортить, но даже в том случае... стоило признать, что, несмотря на методы, маска все-таки на что-то годилась.

Через полчаса, оставив вдохновленного Гераклида в библиотеке, мошенник отправился по еще одному делу, которое не терпело отлагательств. Он меньше всего сомневался в том, что если «мерзкий обманщик, ворующий идеи в целом и маски в частности» собирается участвовать в соревновании провидцев, то заранее предпримет какие-то обманные шаги. И задача Юлиуса – отследить эти самые шаги и позаботиться о том, чтобы они стали началом пути к оглушительному провалу.

Вернувшись в таверну, мошенник не застал там «победителя Януса», подлец уже успел скрыться. Но ничего, одно из главных правил – «будь на виду только в момент обмана» – негодяй не соблюдал, так что найти его будет очень просто.

– О, нет! – вскричал Юлиус Корпс, трагически заламывая руки. – Он уже ушел!

Головы тех посетителей, которые еще были способны двигаться, повернулись в сторону мошенника.

– Вы не видели его?! Великого человека, который почтил нас своим присутствием; кому следует непременно установить памятник; чья жизнь, словно история древних героев. Вы не видели его?!

На секунду Юлиус остановился, ожидая, что сейчас последует ответ. Но глядя в пропитые физиономии, понял – ничего подобного не случиться. Весь творческий порыв был израсходован зря. Надо как-нибудь попроще.

Мошенник вздохнул, изобразил на лице выражение легкой скуки и независимым тоном осведомился:

– Победитель Януса куда отправился?

Эффект превзошел все ожидания. Руки посетителей таверны, даже некоторых из тех, кто спал мертвецким сном, указали в одном направлении.

– Там гостиница, – доверительно сообщил ему давешний одноглазый старикашка, который все же занял покинутый Юлиусом стол.

– Благодарю, мой друг. – кивнул Корпс и вышел на улицу.

Гостиница, как и таверна, в этом городишке была одна. Неказистое кирпичное здание высилось на пять этажей и носило титул второго по высоте дома после дворца правителя. Ну, или третьего, если учитывать огромный шатер возле города.

Зайдя внутрь, Юлиус благосклонно кивнул сидевшему за столиком слуге. С видом постоянного завсегдатая этого заведения он осведомился о победителе Януса.

– Как, вы сказали, его зовут? – поинтересовался слуга.

Корпс мысленно выругался. Будь у него деньги – можно было бы попробовать подкупить этого наглеца, но монет в карманах мошенника в последнее время не водилось. Зато хитрости всегда было навалом.

– Как? Мой друг, вы не знаете, как зовут победителя самого Януса? – Юлиус бросил уничижительный взгляд на слугу и покачал головой. – Ну, что вы, в самом деле. Разве можно вот так вот обращаться с самим...

Мошенник надеялся, что к тому времени слуга ему подскажет имя, но парень был или слишком туп, или очень хитер. Он улыбался и ждал продолжения фразы.

– ... – произнес Корпс неразборчиво.

– Что?

– Я говорю —...

– Не понимаю.

– За ушами надо следить, друг мой, – Юлиус покачал головой. – Ушной червь, который, по преданию, является детенышем Великого Червя Кореандра, это не шуточки. И не стоит забывать, что он приходит не один, а со своим двоюродным братом – глазным червем. Уже начал пропадать слух, а вскоре это же случится со зрением.

– Но я ведь слышу вас сейчас! – слуга улыбался, но Корпс почувствовал, что напряжение в его голосе. – Я не услышал только имя.

– Это-то и настораживает, – доверительно сказал мошенник, наклоняясь ближе. – Вскоре ... и тогда ... а это очень опасно, потому что...

– Великий Зевс! За что мне это все?!.

– Все будет хорошо. Всего лишь следует втирать это средство в уши три раза в день и все пройдет.

Юлиус достал из торбы «пятновыводитель», и тут же подозрительность вернулась к слуге.

– Предлагаете купить?

– За кого вы меня принимаете?! Долг врача – помогать страждущим, а не продавать им лекарство. Как вы знаете, правители обеспечивают целителей всем необходимым. В том числе и этим средством, которым я, безусловно, вас одарю, как только узнаю, где живет мой друг.

– Но вы же не сказали, как его зовут... – слуга почти плакал.

– Сказал. Вы просто не услышали. Давайте попробуем еще раз. Мой друг, победитель Януса, великий и несравненный...

– Диос Парокл!

– Диос Парокл. Вот видите, молодой человек, вам уже становится лучше. Даже запах средства подействовал.

– Но я его не чувствую.

– А вам и не надо. Главное, что его чувствует ушной червь. Так о чем я? Ах, да. Диос Парокл. Он у себя?

– Да, триста пятнадцатый номер. Третий этаж, пятая дверь направо. У него там как раз уже все собрались.

– Вот как? Ну, тогда я не буду мешать. Зайду как-нибудь попозже.

– Ему что-нибудь передать?

– Благодарю, не надо. А вы за ушами следите, не забывайте.

Юлиус выскользнул наружу и вздохнул. Прижавшись к холодной кирпичной кладке, он проклинал слугу за его подозрительность и нерасторопность. «Орков сын! Нет, если бы малый упрямылся до конца – его еще можно было простить, но к чему морочить мне голову, если в итоге оказываешься таким простофилей?»

Мошенник чувствовал затылком прохладу кирпичей. Он постепенно успокоился, а затем, развернувшись, посмотрел на стену и улыбнулся.

Цепляясь за кирпичи – сейчас неровности кладки были на руку Юлиусу, в прямом смысле – Корпс полез вверх, рассчитав, где он должен обнаружить окно Парокла. Оставалось надеяться, что теплая ночь заставит обманщика держать окно открытым, а позднее время суток окутает гостиницу тенью на случай, чтобы какой-нибудь прохожий не смог увидеть, как величайший мошенник Греции – ну, или один из величайших – на этом месте Юлиус вздохнул, словно паук, карабкается по стенам.

И, слава Гермесу, прохожих не было, а окно оказалось открытым. Вжимаясь в холодный кирпич, Юлиус прислушался.

– Все просто, – донесся до него голос Парокла. – Я заявляю, что через час у тебя выпадет зуб. Вклеиваешь аккуратно на место выбитого вот этот, и когда предсказание срабатывает, языком вырываешь его. Затем ты. Тебе еще проще – я предсказываю, что через час ты будешь богат. Естественно, что ты мне не веришь, а когда идешь в уборную, то находишь там кошель с золотом. Это, кстати, и будет твоя плата.

– А моя? – донесся чей-то глухой голос.

– Каргас, приятель, ну что ты вечно лезешь вперед? Твоя очередь придет, когда будут искать добровольца для предсказания. Подойдешь вразвалочку, скажешь, что ничему не доверяешь, а через минуту уже будешь обниматься с Мегридой, потому что я предскажу тебе, что в этой толпе ты разыщешь дочь. У нее и будут твои деньги. Все понятно?

– Конечно, – прошептал Юлиус. – Все понятно. Значит, надо всего лишь раздобыть деньги из уборной и забрать еще одну часть у Мегриды. Тогда, как минимум, двое из троих будут весьма недовольны.

Если бы руки не были заняты, Корпс непременно злорадно потер бы их друг об друга, но тут же Фортуна отвернулась от мошенника, потому что дальнейший разговор скрылся за створками окна, которые плотно затворил Парокл. Юлиус лишь в последний момент успел прижаться к стене, чтобы остаться незамеченным.

«Ну, теперь уже ничего не услышишь, – мысленно вздохнул Корпс – В чтении по губам я никогда не был силен, а всякого рода подслушивающие и подсматривающие устройства все никак не начнут выпускать. Лучше всего пойти и поискать угол для сна. А с утра найти этого дурачка, Гераклида. Не хочу на сон грядущий смотреть тот ужас, который он наверняка изобразит. Ни к чему мне кошмары перед ответственным днем.

Рассудив так, Юлиус Корпе принялся спускаться, попутно обнаружив, что двигаться по стене вниз куда сложнее, чем вверх, и в очередной раз помянув ученых, которые сплошь и рядом изобретали всякую ерунду вместо чего-то по-настоящему стоящего.

Глава третья.

Предсказания и противостояние

Взобравшись на жердочку, петух громогласно объявил о наступлении утра. Юлиус Корпс, пошарив рядом с собой, не обнаружил ничего тяжелого для того, чтобы швырнуть в певуна, и издал страдальческий стон. Кое-как разлепив глаза, потянулся, сел на куче соломы, служившей ему постелью, и зевнул.

Ночевать в курятнике было не самой прекрасной идеей. Вообще, в последние дни соседство с животными становилось какой-то манией Юлиуса, что ему категорически не нравилось. Но отсутствие денег и покровителей диктовали свои условия, потому вчера, забравшись в курятник фермы, расположенный поблизости от города, он разворошил пару гнезд, набрал соломы, чтобы спалось мягче, и взобрался на самую верхотуру, искренне надеясь, что птицы его не потревожат. Так и случилось, но минусы соседства этим не исчерпывались, чему был прямым доказательством давешний петух.

Подхватив торбу, Корпс спустился вниз, беглым взглядом пробежался по насестам, обнаружив пару яиц, которые прихватил с собой. Уходить следовало как можно скорее. Не ровен час, хозяева фермы обнаружат незваного гостя.

«Надо разыскать Гераклида, – напомнил себе Юлиус. – И увидеть обложку».

Последняя мысль вызвала уныние. Другой причины, кроме отчаяния, для вчерашней идеи отдать горе-скульптору свою бесценную книгу, Юлиус не мог найти. Зато ему удалось отыскать Гераклида ровно в том месте, где его вчера и оставили. Свернувшись калачиком и тихонько похрапывая-посвистывая, скульптор лежал на крыльце библиотеки. Поначалу мошеннику даже стало жалко его, но потом Юлиус напомнил себе, что долг каждого уважающего себя гражданина – обеспечить комфортные условия сна для собственной персоны.

Искренне надеясь, что огромное тело скульптора не склонно спросоня молотить кулаками во все стороны, Корпс требовательно толкнул Гераклида.

– Не хочу, – промычал тот.

– А придется, – сочувственно заметил Юлиус и удвоил усилия.

Через пару минут Гераклид все-таки «растолкался» до такой степени, что смог сесть на ступеньках и превратившимися в щелки глазами взирать на мошенника. Вид у него был как у откормленного, но весьма потрепанного барашка. Алый отпечаток от ступеньки на левой щеке дополнял эту эпичную картину.

– Книга, – требовательно произнес Юлиус.

Гераклид кивнул и принялся копаться в складках одежды, выискивая требуемое. Мошенник благосклонно взидал на это и размышлял: не стоит ли привлечь человека искусства для своего мошенничества или хотя бы для уничтожения и унижения Диоса Парокла? После некоторых раздумий Корпс решил, что все же не стоит, а секундой спустя, когда вожаделенная книга оказалась перед глазами, Юлиус в своем решении утвердился.

Конечно, рисунок на обложке выполнял свою наипервейшую функцию – привлекал внимание. Если быть более точным – он буквально кричал о том, что здесь, под ним, спрятано нечто страшное. Сочетания голубого, желтого и оранжевого цветов уже сами по себе способны были отпугнуть любого читателя. А ими были изображены изломанные линии, сливающиеся в нечто бесформенно-округлое, напоминавшее вытянутого и завязанного в круг червяка, с клыками в половину собственного размера.

– Что это? – дрожащим голосом спросил Корпс.

– Геракл побеждает химеру, разумеется. Я хотел нарисовать что-нибудь свое, но ты велел перерисовывать.

В голове Юлиуса поначалу пронеслись тысячи идей о том, как следует расправиться с художником, чтобы все музы разом возблагодарили мошенника за проявленное милосердие. Потом захотелось перерисовать самому, но тут же пришла мысль, что может стать и еще хуже, как бы странно это ни звучало. В итоге, Юлиус Корпс решил проявить милосердие. К тому же, ему предстояло слишком много дел, и тратить силы понапрасну не стоило.

– Ну, ладно, – мошенник запихал книжку в торбу. – Мне пора на соревнования оракулов, дружок. Как великий предсказатель, могу сообщить, что я не опоздаю.

– Помнится, ты говорил, что ты скульптор.

– Я в этом разочаровался. Увы, но даже если такие таланты, как ты, не справляются, то мне точно не стоит и пробовать. Желаю тебе всяческих благ, дружок, и спасения от тетушки.

Юлиус резво двинулся в направлении гигантского шатра, поминутно ожидая, что сейчас его настигнет окрик или даже сам Гераклид. Но время шло, расстояние увеличивалось, а ничего не происходило. Не выдержав, мошенник обернулся. Выражение лица художника очень подошло бы брошенному щенку. Поправка: весьма откормленному брошенному щенку.

«Такова жизнь, дружок, – подумал Корпс. – Наши желания не всегда сбываются, иначе я бы уже давно обдуривал людей одним щелчком пальца». Юлиус зашагал прочь, насвистывая под нос задорный мотивчик. Под музыку ему обычно хорошо думалось, а в данный момент требовалось породить название для предсказательной книги, адекватное изображенному на обложке чудовищу. В голову почему-то лезла откровенная муть, местами даже рифмованная. «Тьфу ты, – передернуло мошенника. – От гениального скульптора заразился, что ли?»

«Плотоядные жабы и могучие крабы» – вот самое невинное из именований, так и роившихся в мозгу Юлиуса. Остальные были под стать.

«Червь желтый зубастый, мозг выедающий».

«Как Геракл и химера, только наоборот».

«Книга о предметах из будущего, притом волшебными свойствами обладающих».

Ни одно из этих названий не устраивало Корпса, но в процессе перебора дурацких фраз взор его затуманился и принял нездешнее выражение. Таковое обычно с головой выдает предсказателей, культистов, фанатиков веры, детей богов и потомков богов в тринадцатом поколении, а также оно свойственно мечтателям – в аккурат за мгновение до того, как несчастный попадет под колеса повозки или влетит лбом в фонарный столб. Поэтому регистратор, который записывал жадных до денег провидцев рядом с проходом под сень купола, ни секунды не усомнился в профессиональном праве Юлиуса на состязание.

Двенадцатый, – пробормотал писец, сделал отметку в толстой внушительной тетради и выдал мошеннику номерок на кругляшке из жесткой вощенной кожи. – Ваше имя, будьте добры.

Юлиус рассеянно улыбнулся. Расклад нравился ему все больше и больше. Если у устроителя соревнований достаточно денег, чтобы нанять не просто работника, а работника вежливого, значит, у дела воистину внушительный размах.

Юргелио Корсо.

Сообщите, пожалуйста, откуда вы прибыли?

Центральный римский полис.

Чем дальше заявленное место проживания, тем меньше вероятность нарваться на жертв предыдущих афер. Особенно если ты знаком с тамошним диалектом и способен имитировать правильный акцент. Фальшивое имя в этом плане тоже здорово облегчало жизнь. За последние три года оно дважды спасало Корпса от заключения под стражу, давая ему ту самую лишнюю секунду, которой порою так не хватает для побега менее удачливым прохвостам. Или глупцам, которые светят настоящее имя налево и направо.

И последнее. С помощью чего будете совершать предсказания? Требуются ли вам кишки животных или птиц, нож, инструменты, перья, передвижная горелка или...?

Можете не утруждать себя, – мошенник широко улыбнулся. – Не хотелось бы вас отвлекать лишний раз. У меня с собой специальная книга...

Тогда позвольте, я запишу название.

Название. Крабы, жабы, Гераклы и желтые черви с удвоенной силой ринулись в атаку на мозг Юлиуса, однако он безжалостно отмел их в сторону. В сложившейся ситуации оставалось только выдержать паузу и срочно придумать какое-нибудь не существующее в подсолнечном мире слово, звучащее при этом загадочно и странно, не вызывающее смеха или ненужных ассоциаций.

– Люпусоларий!

– Как-как? Повторите по буквам...

– Лю-пу-со-ла-рий, – размеренно повторил мошенник. – Очень легко запомнить. Ни одной повторяющейся гласной.

– А чем знаменит этот фолиант, позвольте узнать?

– Как, вы не слышали о... о Франте Ярмолло, самом загадочном из писателей нашего полиса? Он рождал свои тексты в немыслимых муках и метаниях души, скитался по свалкам и помойным ямам, уходил в паломничество в центральную канализацию и вернулся оттуда обновленным. Его работы так просто не достанешь, наборы шрифтов и оттисков давно осели в частных коллекциях, так что в некоторых землях о нем уже и позабыли.

Видимо, пораженный рассказом об авторе, который добывал слова из плевел и мусора, регистратор задумчиво кивнул с открытым ртом и сделал широкий жест рукой, приглашая Юлиуса внутрь.

«Внутри» – слишком маленькое слово для такого зала», – подумал мошенник и, задржав голову, уставился на высокий потолок. Тот представлял из себя сложную систему переплетающихся дуг и планок, над которыми были закреплены изогнутые листы из блестящего металла. Гильдия кузнецов потрудились изрядно. Сегодня, должно быть, купол впервые открыли для посещения, потому как Юлиус заметил мелькающие то там, то сям форменные «гефестки» серого цвета с множеством пуговиц и карманов. Как известно, кузнецы, равно как и архитекторы, изобретали и прочие всегда приходят оценить свою работу в первый же день. Некоторые утверждали, что это было прописано в гильдейском уставе, однако Юлиус полагал, что приказ исходит свыше. И дело тут не в традициях, а в заботе о гражданах полиса. Если человек знает, что ему придется гулять под тем же куполом, мостом или балконом, который он только что сам соорудил, ему поневоле придется работать на совесть, чтобы не случился конфуз, и скульптура не рухнула на скульптора в тот самый момент, когда он читает прочувствованную речь на открытии памятника.

Прочувствованная речь, угу, – пробормотал Юлиус и, оторвавшись от созерцания чуда инженерной мысли, стал пристально разглядывать остальных зрителей, коих уже собралось немного. – Мегрида, нам нужна Мегрида. Как бы ее найти, а?

Казалось, легче отыскать верткую форель в лососевом косяке, чем незнакомую женщину в незнакомом месте, однако Корпс уже через пару минут вдохновенно вопил, приложив ладони ко рту рупором:

Мегрида! Мегрида, оро-ро! Подойдите к выходу альфа, вы выиграли зрительскую лотерею, пройдите за призом, драгоценная моя!

Даже самым маленьким ежатам в лесу ясно, что человек теряет львиную долю бдительности, когда ему что-то дарят. Процесс получения бесплатных благ от мира перекрывает все остальные движения души.

Через какой-то десяток минут деньги приятно оттягивали сумку на плече Корпса, а низенькая черноволосая Мегрида любовалась на якобы золотые часы, полученные в каче-

стве приза – если же говорить честно, то оставленные в утешение только что обворованной женщине.

Теперь предстояло самое приятное и неприятное одновременно – разыскать в уборной спрятанный кошель.

Рядом с только что построенным куполом виднелась парочка приземистых строений, в которые пропускали исключительно за плату, но по приближении сразу стало ясно, что строители уборных, если и ходят в собственные творения, то исключительно самыми первыми. Казалось бы, прошло всего лишь несколько часов с момента открытия, а людская толпа уже успела оставить свой след в истории местных санузлов. Следы эти были ножные (на стенах, стульчаках и один даже на потолке), ручные (повсюду) и, безусловно, ароматные (всюду, везде и даже на подходе).

Юлиус поначалу хотел представиться санитарным инспектором и провести ревизию. Чтобы бегали, смотрели в рот и выполняли все, что требуется. Но по здравому размышлению решил, что лишнее внимание в поиске денег, ему ни к чему, а потому внутрь проник, как обычный посетитель.

Проведя около получаса в царстве зеркал и кафеля, Юлиус совсем отчаялся. Кажется, Диос еще не положил деньги или же спрятал их действительно мастерски. Что ж, оставался запасной вариант. Попробовать разыскать врача, чтобы он подтвердил, что зуб у мужчины выпал не только что, а уже достаточно давно. Однако, двинувшись к выходу, Корпс чуть было не столкнулся с приснопамятным Пароклом. Тот, нахмутив брови, продвигался к одной из кабинок.

Отвернув лицо и сделав вид, что он сосредоточенно рассматривает надпись «Гомер живее всех живых», нарисованную черной тушью на стене, Юлиус подождал, пока противник не закончит свои дела. Затем быстро скользнул внутрь, пока кабинку не заняли, обшарил все углы, стараясь не думать о том, что сейчас испытывают его ладони и пальцы, и выудил мешочек с золотом из самого дальнего и грязного угла. С другой стороны, спасизевс, что не из самой выгребной ямы.

«Мало того, что отомщу, так еще и подзаработаю», – улыбнулся мошенник.

Тщательно вымыв руки, Юлиус с огромным облегчением вышел из уборной, вздохнув свежего воздуха. Правда, люди его сторонились, поскольку запах, к которому сам Корпс уже привык, успел за это время пропитать одежду мошенника.

«Даже к лучшему, – подумал тот. – Легче пробиваться сквозь толпу». Соревнования к тому моменту уже начались, и Юлиус пропустил общий парад участников, но, как он рассчитывал, это должно было только добавить ему таинственности.

На сцене чернокожий человек отрезал голову курице и начал бить в барабаны, впад в транс. Предсказатель эмоционально выкрикивал что-то в толпу, но, на его беду, слов было не разобрать. Мало того, очнувшись, чернокожий ничего не помнил из того, что говорил. Со сцены его проводили улюканьем и свистом. А зрители в первых рядах, которых окропило кровью курицы, кидались в неудачника всем, что под руку подвернется, выражая праведное негодование по поводу испачканной одежды.

Потом были возжигания, предсказания по ладони, по форме облаков; мелькнул Диос Парокл, свершивший все свои три предсказания и радостно раскланявшийся. Юлиус заметил, как к нему пробирався мужчина, обнимавшийся с Мегридой. Кажется, он был очень зол на то, что денег ему так и не досталось.

Спустя какое-то время наступил черед и самого Корпса, который блистательно, как ему самому показалось, нарисовал дальнейшие судьбы нескольких людей. Это можно было бы сделать и без книги, уж слишком архетипичны были спрашивающие. Но мошенник не отказывался от своего инструмента, периодически показывая людям обложку, отчего те вздрагивали, а то и вовсе впадали в священный трепет.

Далее пошла длинная череда скучных пророков, предвещавших падение мира и желающих поговорить о судьбах Греции. Несколько раз судьи делали им замечания и прозрачно намекали, что это не философский и уж тем более не политический диспут.

И вот первый тур подошел к концу. Объявили большой перерыв, во время которого на сцене должны были разыграть классический сюжет из истории дельфийского Оракула, а судьи тем временем совещались и выбирали двоих счастливиц-финалисток.

Юлиус был спокоен и благодушен. Он отметил одно немаловажное обстоятельство, которое отличало его и Диоса Парокла. Оба они предсказывали конкретные ситуации, в отличие от других пророков, которые напускали тумана, ожидая, что каждый увидит в том облаке смыслов свой. Сам Корпс тоже начинал с заумных фраз, но тут же растолковывал их для зрителя, сводя все к простому и понятному. В общем, мошенник питал надежды на попадание в финал. Если же туда вместе с ним попадет и Парокл, то против него всегда можно будет применить то конкретное знание о подлом обмане, которое у Юлиуса имелось.

Прогуливаясь в ожидании вердикта судей, мошенник натолкнулся на Гераклида. Тот, разинув рот, стоял и смотрел на представление актеров. Ни дать ни взять – ребенок на ярмарке.

– Интересно? – полюбопытствовал Юлиус, подходя ближе.

– Ага, – кивнул Гераклид и расплылся в улыбке. – Я всегда хотел стать актером, но мама запретила мне это делать. Сказала, что мое призвание – быть человеком искусства и творить в одиночестве, а не кривляться на потеху толпе.

– Суровая у тебя мамаша, – искренне посочувствовал Корпс, заодно радуясь, что обида скульптора прошла. Все же, говоря по честности, Юлиус поступил с ним не очень хорошо. И даже дважды. Но мошенник утешал себя тем, что преподавал парню несколько уроков выживания в этом суровом мире, которые наверняка пригодятся. Особенно если Гераклид не собируется возвращаться под крыло матери.

– Да, она такая, – вздохнул скульптор, и в желудке его ощутимо заурчало. Он покраснел и постарался сделать вид, что ничего не было.

«Зачем я это делаю?» – успел подумать Юлиус, прежде чем вытащил из кармана один из мешочков с украденными драхмами и отсыпал часть монет.

– Держи, это тебе на подкрепление сил.

– Нет-нет, не стоит, после того, как я вас так подвел...

– ...не скромничай! Ты мне помог, а я был немного зол с утра. Считаю, что это плата за твою работу. Ты ведь всю ночь не спал, а старался и рисовал обложку.

– Пожалуй, это правда, – Гераклид сгреб драхмы и пересчитал. – Думаешь, это нормальная цена за произведение искусства?

– Несомненно, – жестко сказал Юлиус, который уже начал жалеть о своей минутной слабости. – Более чем достаточно.

– На сцену приглашаются Диос Парокл и Юргелио Корсо, – объявил тем временем распорядитель.

«Настоящее имя? Ха! Парень, да ты глупее, чем я думал. Может быть, тебе и удалось меня обставить один раз, но это явная случайность», – Корпс злорадно улыбнулся и повернулся, чтобы попрощаться с Гераклидом, но тот уже пробивался к лоткам с едой.

Зрители встретили появление двух мошенников и, по совместительству, предсказателей, громогласным ревом, который еще более усилился благодаря акустике зала. Корпсу даже показалось, что стены слегка зашатались. Но если такое и было, то гильдия кузнецов могла выдохнуть свободно, ибо здание выдержало.

Помимо званий между мошенниками было еще кое-что общее. Гаденькая улыбочка играла на губах Юлиуса, когда он смотрел на Парокла. И точно такая же, будто зеркально отраженная, была и у Диоса.

«Интересно, что же ты задумал?» – Корпс, продолжая улыбаться, проклинал себя за то, что вчера был слишком усталым, чтобы выяснить, что же произошло за закрытыми окнами в гостинице.

– Последнее состязание, – объявил распорядитель. – Два достойнейших, доказавших свое умение предсказывать будущее, сделают это друг для друга. Они могут пользоваться всем тем, что им понадобится, но не позднее часа результаты предсказаний должны быть на вот этих вот листках, – два листа с гербовым оттиском оказались в руках финалистов. – Чтобы исключить какой-либо подлог, мы поднимем оракулов высоко над землей и изолируем от чьего-либо влияния.

И только тут Юлиус заметил две огромные железные клетки, которые прятались в глубине сцены.

«Ага, – кивнул мошенник. – Конечно-конечно».

Такой поворот дела устраивал Юлиуса полностью. Подумаешь, высоко над землей. Высоты Корпс не боялся, а там вполне можно будет совершить то, что он и так планировал сделать.

«Я напишу твое прошлое, – мстительно подумал Юлиус. – Начиная с аферы с Янусом и заканчивая сегодняшними обманами. А потому предскажу твое будущее: поражение и позор». Еще сильнее улыбнувшись, Корпс поклонился и прошел в клетку, успев уловить некоторое замешательство Парокла. Тот, видимо, не столь хорошо относился к идее быть подвешенным под самым куполом. «Два – ноль, в мою пользу», – Юлиус чувствовал, как радость отмщения наполняет его с головы до ног и едва сдерживался, чтобы не пуститься вприпрыжку.

Клетка оказалась достаточно просторной для того, чтобы даже полулежать в ней. Пока кузнецы поднимали ее вверх, Корпс со знанием дела устраивался поудобнее, будто всю предыдущую жизнь ему только и приходилось готовиться к предсказаниям в таком «тюремном» интерьере. Надо признаться, что опыт задуривания мозгов окружающим, в то время как сами эти окружающие находились на свободе, а Корпс – за решеткой, у мошенника имелся.

«Итак, предсказанное будущее выглядит тем веселей, чем точнее будет описано прошлое, таящее в себе корни настоящего», – Юлиус написал первую строчку своего оракульского труда и довольно хмыкнул. Первый тур не прошел даром. Чтение отрывков из собственной книги напомнило мошеннику о том, что он силен в убеждении не только словом произносимым, но и написанным. Которое, кстати, имело все шансы превратиться в печатное – устроитель соревнования наверняка будет счастлив распространить в виде книг или хотя бы журналов тексты победителя. «Так что давай, работай, – взбодрил Юлиус сам себя. – У нас в запасе всего час, а деяний Диаса, прошлых и будущих, неизмеримо». И стал записывать, едва поспевая пером за мыслью.

«Может ли негодяй, подло обдуривший доверчивую девочку, иметь иное будущее, нежели позорное изгнание?»

«Каждый вор заслуживает наказания, однако же вор, укравший театральную маску, покусился не просто на товар – он покусился на само искусство!»

«Представьте себе: если кто-то считает себя вправе насмехаться над Богами, представляя их в пародийном, извращенном свете, то не считает ли он себя выше их? И что же тогда он думает об окружающих людях? Плюет на них, презирает, считает пылью под ногами?»

Вот лишь некоторые образцы из убедительного и проникнутого вдохновением документа, который рождался из-под пера Юлиуса. Слова текли на бумагу легко, образы полу-

чались яркие и полные обличающих деталей, а если мошенник где и преувеличил, то это исключительно из желания вызвать интерес у слушателей.

И вот наступил торжественный момент. Клетки спустили вниз, и оба новоявленных оракула застыли на сцене. Корпс, довольно ухмыляясь, уступил право первого Диосу Пароклу.

– Этот человек, который стоит рядом со мной, лживое двуличное существо, – начал соперник. Юлиус малость побагровел при этих словах, но сумел сохранить улыбку. – Он не тот, за кого себя выдает. Никакого дара предсказателя не имеет, а всего лишь мошенник. Довольно известный, надо сказать. Его деяния полны злобы и предательства. И я уверяю вас, что сейчас он применит всю свою изворотливость, чтобы очернить меня перед вами.

Диос церемонно поклонился и сделал несколько шагов назад. Юлиус мысленно отдал сопернику должное, но, вместе с тем, заметил, что в словах Парокла нет никакой конкретики. «Три – ноль, – усмехнулся Корпс. – А сейчас станет и того больше».

Продолжая сохранять невозмутимость, великий предсказатель Юргелио Корсо вышел вперед. Собравшиеся встретили его недовольным гулом и свистом. Выпущенный чьей-то рукой персик пролетел совсем рядом со щекой мошенника и ударил в лоб одного из судей, стоявших позади.

Юлиус неожиданно резко поднял правую руку и щелкнул пальцами. Толпа, будто репетировала это неоднократно, замолкла в мгновение ока.

– Итак, предсказанное будущее выглядит тем весомей, чем точнее будет описано прошлое, таящее в себе корни настоящего... – начал Корпс...

Он говорил долго и пространно. Приводил примеры, разыгрывал роли, взывал к справедливости, богам и гласу народа.

– ... Если даже этот человек и заслуживает награды, то не поездки в Дельфы, а отдыха. Подальше отсюда, в размышлении о совершенных ошибках! – милостиво закончил он.

Несколько секунд внутри огромного зала царило молчание. Затем толпа взорвалась, требуя расправы, но имя человека, которого она призывала уничтожить, было Диос Парокл, а не Юргелио Корсо и даже не Юлиус Корпс.

– Судьям нужно время на совещание, – пытаюсь перекрычать этот гвалт, объявил распорядитель в рупор. – А пока оба оракула должны оставаться на своих местах.

Но эти слова были сказаны напрасно. Юлиус и так не собирался никуда уходить, наслаждаясь произведенным эффектом, а Диос, пока толпа обратила свой взор на распорядителя, уже успел улизнуть.

Он пробивался сквозь людей, спасая свою шкуру. Те продолжали ухать и свистеть, но вот задержать преступника было некому. Охранники тоже вязли в этой бушующей людской стихии и никак не могли добраться до Парокла, а он продолжал уходить.

– Мне кажется, это ответ на мои обвинения! – выкрикнул Юлиус. – Вот! Посмотрите, как убегает ложь, столкнувшись с правдой!

Люди поддержали эти слова радостными вскриками. Вряд ли они надеялись увидеть такое представление, когда шли на соревнование эксцентричных чудаков.

– И все равно судьям надо посоветоваться! – упорствовал распорядитель в ответ на призывы наградить Корпса, отлить ему статую из золота и навсегда сделать местным оракулом.

Последнее предложение не нравилось самому Юлиусу, которому тут же представилось, как его опять сажают в клетку, подвешивают над куполом и заставляют ежедневно предсказывать будущее. Работа была наверняка прибыльной, но условия казались ужасно стесняющими.

Через несколько минут распорядитель вернулся к своему рупору.

– Судьи приняли решение. Диос Парокл – дисквалифицирован, а его поимкой сейчас занимаются стражники. Проверив информацию Юргелио Корсо, мы пришли к выводу, что

она правдива, хотя и не лишена доли поэтичности, однако... – здесь пришлось на несколько минут прерваться из-за нового всплеска бурной радости, заглушавшей даже рупор, – ... однако эта информация не очень похожа на предсказание, а скорее на результат расследования. Поэтому судьи предлагают Юргелио Корсо сделать последнее предсказание на сегодня – обозначить будущее распорядителя, то есть меня. Чтобы не затягивать – предсказать надо всего лишь то, что произойдет со мной сегодня вечером и завтра утром. Мы уверены, что для такого оракула, как Юргелио Корсо, это станет всего лишь формальностью.

«А вот я не уверен», – подумал Юлиус, начиная понимать, в какую гадость он вляпался. Требовалось что-то придумать. И срочно. И это что-то должно было удовлетворить и судей, и толпу. Иначе вскоре мошеннику светил путь Парокла – отступление с боем, улюканьем и погубленной репутацией.

– Это очень просто, – начал Корпс, продолжая лихорадочно соображать, обшаривая глазами толпу. – На самом деле вы обычный человек. И предсказать вашу судьбу, мой друг, с легкостью может даже неофит. Ну, к примеру, вот он.

В последний момент знакомое лицо мелькнуло перед глазами Юлиуса и, не успев понять, кто это, мошенник ткнул пальцем.

В Гераклида.

В горе-скульптора, горе-художника, горе-поэта... да что уж там – горе-человека.

Которому сейчас суждено было стать горе-предсказателем.

«Все просто, – убеждал Юлиус сам себя, пока Гераклид пробивался к сцене. – Всучиваешь ему книгу. Он пытается предсказать. Ты думаешь и тянешь время. Если что-то придумается – отбираешь книгу и делаешь, как надо. Если нет – делаешь ноги, пока все отвлеклись. Как-то так».

Скульптор, вобразившись на сцену, сиял, как начищенная пряжка на ремне особо ретивого воина. Корпс торопливо сунул ему книгу и шепнул на ухо: «Тяни время». Но понять, услышан ли приказ, не было никакой возможности. Вокруг шумели, кричали, неистовствовали, а большой округлый Гераклид чуть подпрыгивал, смешно взбрыкивая, и постоянно кланялся.

Юлиус не выдержал и наступил ему на ногу. В ответ на обиженный взгляд мошенник ткнул пальцем в книгу и многозначительно поднял брови.

– Я не совсем случайный человек, – заявил Гераклид. – Я – Гераклид Аквус – приложил руку к созданию этой книги.

«Чего-чего?» – поразился Юлиус. Этот идиот, кажется, считал, что его мазня как-то улучшила прекрасное сочинение Корпса.

– И сейчас я могу сделать предсказание, даже не заглядывая в нее. Уважаемый распорядитель сегодня вечером отправится ко сну. А завтра проснется и позавтракает. А еще вечером закончатся соревнования, и он вздохнет спокойно и устало. В наш просвещенный век люди, которые жертвуют собой ради других, живут в тяготах. Я познал это на себе и думаю, что все благородные мужи нашей страны ведут себя так же.

Гераклид умолк и улыбнулся. Юлиус чувствовал, как капля пота катится у него по спине. Вновь воцарившаяся под куполом тишина была гнетущей и выжидательной. На лице объекта предсказаний застыло недоумение, Аквус торжествующе улыбался. За всем этим Корпс как-то позабыл о намерениях сбежать и очнулся только, когда увидел, что судьи призывают распорядителя.

Однако – противоестественно для самого – себя Юлиус не ринулся прочь. Он остался и смотрел на Гераклида, получавшего свою порцию славы. Помимо воли, Корпс чувствовал, что на лице у него появилось глуповато-простецкое выражение, которое ему очень часто приходилось видеть у других людей, когда те чувствовали, что их обдурили, но не могли понять, в чем именно.

Тем временем распорядитель вышел к публике:

– Судьи посовещались и решили: несмотря на то, что создатель этой книги не сказал ничего сверхнеобычного, он, тем не менее, прав. И совсем не нужно дожидаться вечера, чтобы доказать, что я действительно пойду спать, а утром встану и позавтракаю. Потому победа присуждается Юргелио Корсо и его учителю, который, без сомнения, вовремя пришел на помощь своему ученику...

Распорядитель покосился на Гераклида, а тот гордо вскинул голову и расправив плечи, отчего разом словно бы похудел и помолодел.

Дальнейшие события смешались в один большой ком.

Вот сияющий Гераклид получает из рук распорядителя огромный мешок с драхмами.

Вот толпа с приветственными криками провожает героев на вечерний поезд до Дельф.

Вот Гераклид на прощание читает людям свои дурацкие стихи, потрясает книгой, а затем, с криком: «Это мой вам подарок!» – бросает ее в толпу.

Таким образом, в себя Юлиус пришел только в комфортабельном купе, в котором кроме него и сжимающего мешок с деньгами Гераклида не было никого.

Сразу же, как только мозг начал работать, мошенник отобрал у своего «учителя» мешок; набросился на него с обвинительной речью по поводу потерянной книги; отмел все возражения, что на этой книге была картина Гераклида, которую тот и подарил «своим почитателям»; задумался о произошедшем; ворча и хмурясь, отсчитал примерно треть драхм и вручил скульптору; выругался; попытался вернуть деньги назад, но сам же себя остановил рассуждениями о том, что Гераклид их все же заработал; сунул мешок с монетами под подушку; потребовал у соседа даже не дышать и уж тем более не мешать спать до самого приезда; уснул.

Это был долгий и насыщенный событиями день. И Юлиус был очень рад, что он наконец-то закончился.

Глава четвертая. Механизмы и магия

– ...И улицы там полны цветущих деревьев. Тонкий аромат их волшебен, он проникает в легкие, а затем – и в сердца людей, кои прибыли к ступеням храма, дабы взглянуть сквозь тьму и мрак неизвестности на светлое будущее...

Юлиус приоткрыл глаза, зевнул и потер вагонное стекло. Перед въездом в полис поезд тащился немилосердно медленно. Немилосердно – потому что чем ближе к Дельфам они приближались, тем возвышеннее становился непрекращающийся поэтический бред Гераклида. Вместо того, чтобы спокойно сидеть на месте и смотреть в окно, тот вертелся, подпрыгивал, то и дело пихал Юлиуса локтем и, не смолкая, выдавал все свои познания о городе великих оракулов. Корпс сам себе толком не мог объяснить, почему он еще не задушил оратора подушкой, сохранял видимость спокойствия и даже поддерживал беседу.

– Я, конечно, не знаток медицины, и – уж тем более – не знаток ботаники, дружок. Однако путь запаха из человеческих легких в сердце кажется мне невозможным, ну, разве что несчастный паломник был ранен в грудь, и между двумя органами появилась дыра.

– Ты ничего не понимаешь в поэзии!

Гераклид выпятил губу и замолчал. В прошлый раз его хватило на тридцать секунд. В позапрошлый – на полторы минуты. Так что долгого отдыха ушам Юлиуса не светило. Он начинал жалеть, что ночью тайком не сошел на какой-нибудь маленькой станции, где ему уж точно не пришлось бы выслушивать про...

– Оракулов, коих здесь в десять раз больше, чем в любом другом полисе, можно увидеть почти в каждом храме. Одни сидят, склонившись над курильницами, и видят картины грядущего в душистом дыме. Другие, распростершись на мраморном полу перед статуями богов, молят тех о снисхождении и мудрости прозрения. Третьи же тайком выходят в город через тайные двери и бродят по переулкам вслед за солнечными лучами, что чертят путь свой в пыли или утреннем тумане. И полис величественно плывет сквозь время, поддерживаемый ладонями небожителей и лелеемый ими, чтобы люди вечно могли приходить сюда...

– Или приезжать! – поезд дернулся и остановился с протяжным гудком. – Наконец-то!

Юлиус проверил, плотно ли застегнута дорожная торба, пригладил волосы и улыбнулся собственному отражению в стекле:

– Ну что, вперед? Топтать тротуары легендарного города?

– Я еще не закончил... – протянул Гераклид, но послушно встал и двинулся следом за Юлиусом.

Они сошли на высокую платформу.

Часть пассажиров спешила в здание вокзала – самое высокое, которое Юлиус видел в жизни, с огромными квадратными окнами, несколькими широкими входами и большими часами с тремя циферблатами. На одном была разметка из римских цифр, на другом – из арабских, а на третьем – из китайских. Некоторые из прибывших шли вдоль путей, мимо таблички «Выход в полис», и Корпс двинулся за ними.

Когда они миновали высокую серую стену, свернули направо и оказались на привокзальной площади, Гераклид открыл рот и замер, как рыба, вытщенная на берег. А Юлиус почувствовал, что настало мгновение, когда он отыграется за последние несколько часов пути и страданий от переизбытка романтически-описательного бреда.

– Ну, и где же цветущие деревья, дружок? – поинтересовался он, ткнув Гераклида в живот. – Где торжественные процессии жрецов в белых одеждах? Где мраморные плиты и неспешно гуляющие по ним парочки? Где благовония на каждом перекрестке?

Представления Гераклида о Дельфах были архаичными и устаревшими лет на двести. Наверняка, скульптор черпал знания из каких-нибудь старинных фолиантов, повествующих о героических приключениях полуголых героев с огромными клинками, ужасными манерами и туповатым юмором.

А между тем прямо перед новоприбывшими открывалась величественная панорама полиса-механизма. Никакое другое слово тут не подходило. Огромные мосты и величественные виадуки виднелись вдали. Чуть ближе высилась гигантская переплетенная дорожная развязка. Сотни паромобилей двигались по ней неспешно, выстроившись в несколько рядов. На стенах механические зазывалы пытались перекричать друг друга и продемонстрировать всю мощь своих репродукторов. На перекрестках из небольших столбцов выщелкивались пластины с изображением паромобилей или людей – для указания, чья сейчас очередь передвигаться. Чуть дальше, там, где начинался центр города, высились громадные строения, напоминавшие гигантские зеркала. Отражавшееся в них солнце заливало округу мягким оранжевым светом. Да, такой вид устраивал Юлиуса куда больше, чем то, о чем ему последние несколько часов вещал горе-скульптор.

– Это Дельфы? – упавшим голосом спросил Гераклид. – Мы точно вышли на той станции?

– Можешь посмотреть туда и убедиться, – мошенник ткнул пальцем в огромную картину, висевшую над дорогой.

Там был нарисован немолодой бородатый мужчина в жилетке с огромным количеством карманов, из которых торчали инструменты. Выпуклые очки на кожаном ремешке болтались на шее. Сам мужчина сидел возле гигантской машины со множеством рычажков, кнопок и механических циферблатов. Надпись, сделанная перламутровой краской, гласила: «Дельфийский Оракул использует только арифмометры Толиса. Качество, проверенное временем».

– А мне здесь нравится, – хохотнул Юлиус, глядя на пытающегося прийти в себя Гераклида. – Большой город – большие возможности для больших людей.

– Неужели знаменитый Оракул – это вот он?

– Не гадай. Вполне возможно, что это Толис. В конце концов, скоро ты сам увидишь Оракула. У тебя же официальное приглашение, выигранное в конкурсе. И я решил даже не покушаться на него.

– Зато ты забрал большую часть денег!

– Спокойно! – мошенник выставил руки вперед. – Что такое бранные деньги, если даруется возможность общения с тем, кто сможет предсказать тебе, как именно ты разбогатеешь и обретешь славу?

– Да. Действительно, – на лице Гераклида расплылась такая улыбка, как будто он уже все это сделал, и теперь предстояло лишь вкушать плоды своих трудов.

– Вот видишь, – подмигнул ему Юлиус. – Пойдем скорее, тебя ждут приключения. Я непременно должен проводить...

– Конечно, – перебил его и торжественно кивнул Аквус. – Потом я буду рассказывать всем, что в самый последний момент, перед началом моих подвигов, именно ты поддержал меня своей верой.

– Эээ... – протянул Корпс. – Пожалуй, да. Так и рассказывай.

Главное сейчас было всерьез заинтересовать Гераклида идеей с Оракулом. Таскать за собой человеческий балласт – весьма обременительное занятие. Причем, как для репутации Юлиуса, так и для его дел. Ну, и конечно, для душевного самочувствия. Иной раз мошенник ловил себя на мысли, что его товарищ мог бы выступать в качестве инструмента изощренных пыток. Для этого просто надо было оставить его наедине с преступником. Или – вот уж точно извращенное коварство! – сковать цепями вместе и отпустить на волю. Тогда

Корпс не удивился бы, что преступник поступит как зверь, попавший в капкан, предпочтя пожертвовать рукой, чем таскать с собой говорливый напыщенный груз.

В общем, ради того, чтобы избавиться от Гераклида, Юлиус готов был бы пожертвовать и существенной частью драхм, но догадывался, что это не сработает. Сейчас его спутник был одержим маниакальной идеей, что они с Корпсом друзья, которые друг без друга никуда. Следовало как можно быстрее попытаться увлечь его чем-нибудь другим. Тем более что Аквус, как успел заметить мошенник, был из той породы дураков, которым важно лишь обрисовать небольшую перспективу, а дальнейшее они вообразят сами.

– Чего мы ждем? – нетерпеливо топнул ногой Гераклид и тут же поспешил в одному ему известном направлении, едва ли не подпрыгивая, что смотрелось весьма комично.

– Стой, дружок! – в последний момент Юлиусу удалось тормознуть энтузиаста возле дороги, благодаря чему паромобиль, пронесшийся мимо на большой скорости, его не задел. – Ты что, не видишь, куда идешь?

– Вижу. Туда.

Юлиус вздохнул и заметил, что стоявший рядом столбик выщелкнул гравированную пластинку с идущим человечком.

– Ну, что же, тогда в путь, – заявил мошенник, хватая Гераклида под руку. – Не стоит медлить. Солнце близится к закату, а кто знает, до какого времени принимает Оракул?

– Но ведь меня он может принять и позже. У меня же официальная бумага!

– Конечно-конечно. Но вдруг он будет занят каким-нибудь священным трансом и тебе придется ждать. Разве это дело?

Дотащив до ближайшего перекрестка пытящего спутника, Юлиус приметил чуть дальше вывеску, которая обещала посетителю заведения вкусную еду и теплый кров. Самое то, что требуется усталому путнику, каковым Корпс себя и ощущал.

– Ну, а теперь ты вполне сможешь сам найти дорогу.

– Разумеется, – важно кивнул Гераклид. – Ты можешь идти по своим делам.

– Спасизевс! – вдохновенно произнес Юлиус, ничуть не кривя душой. Он чувствовал себя, как раб, отпущенный на свободу.

Гераклид помахал Корпсу рукой и устремился через перекресток. По всей видимости, мысль о встрече с оракулом и о светлом будущем настолько ослепляла его, что он вновь не обратил внимание на дорожный указатель, где изображение идущего человечка как раз сменилось картинкой с паромобилем. Послышался визг тормозов, и Юлиус зажмурился. Мошенник не очень жаловал человечество в принципе, а уж скульптор-предсказатель и вовсе принадлежал с сегодняшнего утра к категории «избавиться срочно и вздохнуть с облегчением», однако это же не повод, чтобы желать ему смерти под колесами, не так ли?

Однако, когда Корпс осторожно приоткрыл один глаз, готовясь увидеть Гераклида Аквуса на дороге в луже крови, обнаружилось, что тот избежал столкновения с бездушной машиной, более того – по всей видимости, даже не заметил грозившей ему опасности. Он все так же уходил прочь, смешно переваливаясь и широко размахивая руками. А на тротуаре дымился паромобиль, водитель которого резко свернул в сторону, чтобы не столкнуться с растяпой. Вокруг начинали собираться зеваки. Юлиус тоже подошел поближе.

Возле стены дома без сознания лежал мужчина.

– Совсем обнаглели, уже и на тротуар на своих телегах полезли...

– Тот шел, никого не трогал, и вдруг – удар...

– Распоясались, и не говорите, скоро по головам будут ездить...

– Его так ударило, что на два метра в сторону отлетел...

Толпа, как это обычно бывает, с удовольствием обсуждала происшествие, без стеснения высказывая при этом все свои мнения по поводу дорожного движения, пешеходов, води-

телей, тротуаров, машин, указателей и, конечно, властей, которые «неизвестно куда смотрят».

Юлиуса же дельфийские власти волновали куда меньше, чем несчастный, попавший под колеса паромобиля. Во-первых, мошенник чувствовал в произошедшем часть своей вины – ведь именно он отправил Гераклида в «свободное плавание» на этом перекрестке и стал косвенной причиной аварии. Во-вторых, в складках одежды упавшего что-то копошилось. Или кто-то. Корпс растолкал зевак, присел на корточки, протянул руку... и вытащил из-под живота пострадавшего маленького черного крота. Тот недовольно пыхтел, извивался и бил лапками по воздуху.

«Интересный персонаж, – подумал Юлиус, машинально поглаживая крота по спинке. – По крайней мере, не каждый день встретишь на улице человека, который выгуливает крота. Отлично, Гераклид, просто отлично. Благодаря тебе паромобиль лишил питомца любимого хозяина. И кто должен расхлебывать все это? Конечно, господин Корпс, кто же иначе», – Юлиус потрогал запястье упавшего. Оно было теплым, и пульс хорошо прощупывался.

– Кто-нибудь вызвал эскулапов? – мошенник состроил обеспокоенное и строгое выражение лица. По очереди оглядел лица зевак. Те прятали глаза – очевидно, обсуждение происшедшего было гораздо интереснее, чем необходимость предпринимать какие-то действия по спасению пострадавшего.

– Я эскулап, – хрипло проговорил водитель, который до этого, не обращая внимание на зевак, ощупывал свой паромобиль. – Могу осмотреть... эээ, жертву. И отвезти его домой или в больницу, в зависимости от его состояния. А вы...

– Я его приятель, – Юлиус криво улыбнулся и почесал за ухом крота. Тот зарылся мошеннику под локоть и щекотно пихал лапами, как будто пытался прорыть ход через одежду и дальше – под ребра. – И, конечно, поеду с вами, если понадобится.

«А также, когда несчастный очнется, получу с него деньги. В благодарность. За спасение его самого и слепой зверушки, на которую никто, кроме меня, не обратил должного внимания», – мошенник обрадовался этой мысли. Незнакомое откуда взявшееся желание расхлебывать проблемы за Гераклидом его порядком напугало. Показалось даже, что теперь ему самой судьбой велено следовать за скульптором и исправлять его деяния, раз уж он оказался причиной того, что это стихийное бедствие вырвалось из-под опеки мамочки.

– Ну, тогда поехали, приятель, – последнее слово водитель произнес, как ругательство. – Давай своего друга на заднюю лавку. Кстати, ты не знаешь того толстяка, которому вздумалось перейти дорогу не там, где надо?

– Не имею не малейшего понятия, – невозмутимо соврал Юлиус. – Честно говоря, пока я там стоял и ждал своего приятеля, этот человек рассказывал мне дикие вещи про то, что Дельфы полны благовоний и прогуливающих жрецов.

– Понаехало провинциалов, – водитель сплюнул.

Они вдвоем с мошенником погрузили пострадавшего в паромобиль. Эскулап быстро ощупал бритую голову мужчины – «так-так-так, всего лишь ушиб, ничего страшного» – раздвинул ему веки, чтобы посмотреть, как зрачки реагируют на свет, удовлетворенно хмыкнул. Повертел бесчувственное тело с боку на бок, провел ладонью по его шее и позвоночнику, с глубокомысленным видом ткнул пальцем в суставы и какие-то энергетические точки.

– Шок, ушиб головы, ободранные локти, порванная в двух местах одежда. Ничего серьезного, с чем стоило бы ехать в больницу и составлять акт о происшествии. Вы согласны?

– Согласен, друг мой, – Юлиус быстро закивал. Появление официальных бумаг обычно означало пропажу возможности заработать, что совсем не прельщало мошенника.

Он решил положиться на мнение виновника аварии – которому тоже ни к чему была огласка происшествия – и уселся в паромобиль со значительным видом.

– И куда ехать?

– Один момент, – Корпс достал из кармана вещи сбитого человека, которые автоматически поменяли своего хозяина – безусловно, лишь до тех пор, пока награда не найдет спасителя. Вычленив десять одинаковых карточек, Корпс передал одну из них водителю, справедливо рассудив, что носить в кармане такое количество чужих визиток не станет никто.

– Леонид Стадис, – водитель хмыкнул. – В неплохом месте живет.

– Разумеется, – кивнул мошенник, не ориентирующийся в Дельфах. – Поехали.

Чем дальше они продвигались, тем больше понимал Юлиус слова водителя. Отъехав от вокзала, паромобиль петлял по узким улочкам с кривыми домишками. Маргиналы всех мастей провожали взглядами проезжавших и злорадно ухмылялись. Мошенник мысленно отметил, что здесь, пожалуй, он сможет найти помощника для какого-нибудь щекотливого дельца, если в том возникнет нужда. Далее они оказались в торговом квартале, заливавшим все вокруг светом вывесок, а под конец свернули в район, где великолепные дома соседствовали с просто прекрасными.

Однако дом, возле которого водитель лихо остановился, не очень походил на другие. Был он скорее функционален, нежели красив, а лужайки вокруг были изрыты мелкими норами.

– Ты резвился? – спросил Юлиус у крота, и тот, будто бы стесняясь, прикрыл мордочку крохотными лапками.

Водитель помог мошеннику дотащить Леонида Стадиса до двери, а после, когда Корпс наконец подобрал подходящий ключ в огромной связке своего «приятеля», они погрузили пострадавшего на кушетку, стоявшую в прихожей.

– Ну вот, – водитель многозначительно кашлянул. – Пожалуй, и все.

– Действительно, – кивнул Юлиус.

– Жалко только, паромобиль пострадал.

– Он, вроде бы, неплохо передвигался.

– Все равно. В мастерской сдерут столько, что мало не покажется.

– Скупердяи! – совершенно искренне возмутился Корпс.

Водитель еще раз многозначительно кашлянул, но и это осталось без внимания мошенника.

– Всего доброго, – буркнул «лихач» и вышел.

– Вот ведь какой, – шепнул Юлиус кроту. – Хотел еще и денег содрать с нас за свою провинность.

Животное в ответ пискнуло и прижалось к мошеннику. Это было столь трогательно, что Юлиус расчувствовался и заранее, не успев еще получить причитающуюся награду, выложил все вещи Леонида на полочку, прибитую неподалеку от кушетки.

– Что вы здесь делаете? – послышался скрипучий голос. – И что случилось с Александром?!

Корпс развернулся и столкнулся лицом к лицу с Леонидом Стадисом, который еще секунду назад лежал на кушетке. Крот вновь радостно пискнул.

– Александр, с тобой все в порядке?

Мужчина резко шагнул к Юлиусу и выхватил крота у него из рук. Погладил. Приподнял, тщательно осмотрел. Тот в ответ мелодично пыхтел и тянулся лапками к хозяину.

– Убирайтесь сейчас же! Иначе я заявлю о незаконном проникновении в частный дом!

– Пожалуйста, – Юлиус пожал плечами, поднял ладони в знак мирных намерений и боком двинулся к двери. Тут самое время было сказать что-то вроде: «А ведь, если бы не я, вы бы так и валялись на тротуаре с разбитой головой...», но мошенник решил воспользоваться более весомым аргументом. Причем не сомневаясь в его действенности. – А ведь,

если бы не я, ваш крот потерялся бы. Или его даже затоптали бы на улице. Если бы кто-то менее наблюдательный поднял вас и повез в больницу...

– Стойте, – Леонид поднял руку и ощупал лысый затылок. Поморщился. – В больницу? Что, собственно, произошло?

– Вас сбил паромобиль. Я проходил мимо. Помог погрузить вас и довезти домой. Подобрал Александра, который при падении выбрался из кармана, и захватил с собой.

– Спасизевс, – голос Леонида потеплел. Если слово «потеплел» применимо к скрипучей речи, похожей больше всего на скрипение несмазанных шестерен какого-нибудь большого механизма. – И Александр говорит вам «спасизевс», видите?

В данный момент Александр забился в карман фартука, и наружу торчала только часть спины, покрытой жестким мехом, которая явно никак не могла говорить слова благодарности, хотя бы за неимением рта на ней. Но Юлиус серьезно кивнул в ответ. Людям надо всегда потакать в их маленьких маниях и безумствах.

– Теперь я должен отблагодарить вас, – любитель животных сунул руку себе под мышку, расстегнул незаметный карман и достал оттуда бумажник. – Сколько драхм вы хотели бы получить? Монеты я с собой обычно не ношу, но могу выписать чек. Моя подпись удовлетворит любой банк в Дельфах, не беспокойтесь.

«Вот это деловой подход! – восхитился Юлиус. – Если бы все люди так вели себя, цены бы им не было. Ты – мне, я – тебе. Великолепная схема. Гораздо лучше, чем „спасизевс“, на которое, как известно, не пообедаешь».

При мысли об обеде в животе у мошенника громко заурчало, и он уже было хотел назвать сумму... как взгляд его упал на полку в дальнем углу комнаты, за спиной у Леонида. Она была похожа на витрину в лавочке для юных изобретателей и инженеров, а по количеству представленных экспонатов превосходила, пожалуй, все виденное Юлиусом до этого.

Шестеренки всех размеров, от небольших до огромных, с праздничное блюдо.

Ключи из металлов разного цвета с тремя, четырьмя, пятью бородками.

Светильники из матового, прозрачного, полупрозрачного стекла. Внутри – фитили, горелки, а в одной – зачем-то – проволочная дуга.

И груды коробок, коробочек, прихотливо изогнутые провода, пирамидки, металлические шарики, ножи странной формы, застежки, жестяные руны...

Юлиус в одно мгновение понял, что на обед вполне можно потратить «предсказательные» деньги, а вот такого богатства он может не встретить больше никогда в жизни. Конечно, оставалась возможность вернуться сюда нечестным путем, но мошенник отчего-то не сомневался, что здесь отличные охранные системы против воров, и не хотел их проверять на своей шкуре. Поэтому он сглотнул и, стараясь, чтобы восторг был хорошо замечен в голосе, спросил:

– Мне обязательно брать деньги? Если вы не против, то я бы попросил подарок. Какую-нибудь безделушку. На память.

– Это не безделушки, – Леонид чуть нахмурился, проследив за взглядом Корпса. – Технические поделки – не игрушки и не красивые глупости для украшения интерьера. Каждая из них полезна.

«И этот туда же, – подумал Юлиус и внезапно хорошее настроение его пропало. – Наверное, каждое изобретение причисляет к тем, которые прямо-таки перевернули мир. Гордится, но не радуется». Такие люди очень напоминали Корпсу родителей одаренных детей. Презрение к окружающим и неусыпный контроль над ребенком, чтобы он случайно не принялся играть с другими ребятами и вообще вести себя так, как положено в детстве. А ведь четверть этих «безделушек» вполне годилась на роль отмычек, другая четверть – отличные осветительные приборы, а оставшаяся половина попадала под звание «странного на всякий случай». Уж очень Корпс любил это самое бесполезное странное, особенно за то, что с его

помощью всегда удавалось повернуть что-нибудь эдакое, что выходило за рамки обыденности.

– Вы же понимаете, что механика – это сверхсерьезно?

– Если бы я не понимал этого, попросил бы у вас денег.

– Хм, – Стадис наморщил лоб. – Похвальный выбор. Как ты думаешь, он нам подойдет для дела?

– Кто «он»?

– Да я не к вам обращаюсь. Александр, что думаешь?

До настоящего момента Юлиусу казалось, что среди людей с техническим складом ума альтернативно одаренных несколько поменьше, чем среди художников-поэтов. «Не заразил ли меня Гераклид каким-нибудь древним проклятием? – тоскливо подумал мошенник. – Не начнут ли мне теперь встречаться исключительно безумцы? Гермес, прошу тебя, отведи такую напасть. Дурак хуже злодея»

Но крот Александр в ответ на вопрос хозяина вылез из кармана и будто уставился слепыми глазами на своего спасителя. Понюхал воздух. Чихнул. Пискнул. И два раза медленно, даже можно сказать, величественно кивнул.

– Тогда я, пожалуй, приглашу вас отобедать со мной. Надо обсудить небольшое дельце.

– С удовольствием.

Юлиус подумал было, что хозяин пригласит его за стол, но тот махнул рукой в сторону кушетки.

– Садитесь и подождите. Еду еще надо достать из морозильного ларя и разогреть.

– А, спасивевс...

– И не обессудьте. Обеденный стол у меня сейчас занят двигателем.

Леонид с тем же успехом мог признаться в том, что стол занят домиком для родни Александра или статуей Гефеста. Эффект был бы ровно тот же. Юлиуса в этом доме, пожалуй, больше ничего не могло уже удивить. Однако он для себя отметил, что, пожалуй, ошибся в оценке изобретателя. Кое-что для улучшения обычной жизни он сделал. Тот же морозильный ларь, к примеру. Жаль только, что он чересчур громоздок, чтобы носить в торбе.

Тем временем печь издала пронзительный «дзинь», и Леонид, взяв в руки полотенце, достал блюдо. Там, наполняя комнату ароматом, лежал уже подогретый поросенок. Мошенник сглотнул слюну и улыбнулся. Близость еды приводила его в состояние эйфории.

– Итак, – Леонид отрезал себе ногу, а остальное отдал гостю. – Скажите мне, пожалуйста, как вы относитесь к шпионажу?

«Так, приехали, – мысленно вздохнул Корпс. – Ну, конечно, кем же еще мог оказаться этот странный человек с кротом за пазухой и кучей всяких изобретений? Вражеский шпион. Интересно только, на кого он работает? Византийцы? Они уже не у дел. Может быть, германцы? Хотя, те до сих пор не очень привечают цивилизацию. Финикийцы? Но у них-то и армии толком нет...»

Видимо, все эти размышления отразились на лице Юлиуса, потому что Леонид усмехнулся и покачал головой.

– Я говорю о промышленном шпионаже.

– Разумеется, друг мой, – кивнул мошенник. – Я так и подумал.

И еще раз вздохнул. Теперь уже вслух. Кажется, родину продавать не было никакой нужды. Впрочем, вряд ли Юлиус сделал бы это. Дурить глупцов – это вполне нормально, но дурить собственную страну – что-то из ряда вон выходящее.

– Вы когда-нибудь слышали об Ордене Кочегаров?

– Это какой-то профсоюз машинистов?

– Не совсем. С машинистами их тоже кое-что связывает, но все не так просто.

Леонид отложил в сторону тарелку и поднялся. Александр высунулся из своего укрытия, огляделся, подслеповато щурясь, и пискнул. Стадис машинально сунул руку в один из кармашков на поясе и вынул оттуда кусочки сухой смеси. Скармливая их кроту, он принялся вещать скрипучим голосом. У Юлиуса даже возникло ощущение, что он находится внутри плохо смазанного часового механизма.

– Орден Кочегаров несколько столетий назад образован учеными, которые были на вторых ролях. Есть такие завистники, – в этот момент лицо Леонида побледнело. – И эти завистники поначалу руководствовались правильными мыслями. Солнце дает тепло – это внешний огонь. Земля дает тепло – это огонь внутренний. Но есть еще и огонь мысли, который поддерживается топливом – знаниями. Пока понятно?

Юлиус поводит рукой в воздухе, а затем кивнул.

– И вот, эти ученые решили поддерживать огонь мысли. Ибо кто-то это должен делать, а еще – потому что создавать то самое топливо, то есть знания, они были не способны, – в этот момент голос Леонида наполнился желчью.

«Скорее, это не шпионаж, а месть», – решил мошенник.

– Орден Кочегаров встал, так сказать, на стражу устоев и принялся подкидывать новые знания, когда ему казалось, что костер мысли иссяк.

– Вы же говорили, что они не способны их производить?

– Дослушайте сначала!

На мгновение показалось, что Стадис сейчас буквально взорвется. Его перекошенное лицо оказалось прямо перед Корпсом. Отшатнувшись, Юлиус успел заметить, что Александр трется мордочкой о хозяина. По-видимому, лишь благодаря этому Леонид успокоился.

– Прошу прощения, – тон не соответствовал сказанному. – Извини, Александр. В нужный момент они вбрасывают знания. А эти знания они, в свою очередь, похищают у тех, кто слегка опередил свое время, по их мнению. И хуже того, они убивают этих ученых или прячут их от мира на время.

Юлиус недоверчиво хмыкнул. Леонид погрозил ему пальцем, но ничего не сказал. Прошел к своему рабочему столу, вынул из ящика подушку и положил на нее Александра.

– Мне нужно, чтобы вы украли один документ, – сказал он. – Орден называет его «Генеральный план». По слухам, в нем можно найти список тех, кто опередил свое время. Несколько моих хороших знакомых исчезли без следа. Мне бы хотелось разузнать об их судьбе.

– Ну, я, право, не знаю, – протянул Юлиус.

Вся эта история его не очень-то впечатлила. Какие-то кочегары, тайный орден, пропавшие ученые. Отдавало дешевыми, второпях написанными книгами, которые мошенник изредка покупал, а потом читал в поезде и забывал там же. Вместо того, чтобы придумывать новые развлечения, веселиться и беззаботно проводить время, человечество упорно строило теории заговора, чтобы потом с упоением их же и разрушать. Интриги и расследования с претензией на «великое». Юлиус поморщился, будто его накормили долькой лимона.

– Там может оказаться и мое имя, – попробовал зайти Леонид с другой стороны. – А это значит, что вы вновь спасете мне жизнь. Орден не всемогущ, а у меня есть влиятельные друзья, которые помогут спрятаться – знать бы только заранее об опасности. Ведь если со мной что-то случится, что же будет с Александром? Он беспомощен, как младенец. Я воспитываю его с детства, а потому в дикой природе у него нет никаких шансов выжить. Кроме того, я обещаю вам награду. Можно деньгами, а можно, как вы изволили выразиться, безделушками. Так что вы решили?

И тут Юлиус наконец понял, что можно не верить во всю эту чушь, но названный документ действительно существует, и Стадису он очень нужен. А значит, если заполучить его, можно выторговать себе много интересного, полезного и дорогого. Или, кто знает, удастся

уговорить ученого подумать над некоторыми проектами, которые бродили у мошенника в голове, но для решения которых ему не хватало знаний и умений.

«И доброе дело сделаю, опять же, – отметил мысленно Корпс, попутно дивясь, откуда у него эта вдруг страсть к добрым делам проснулся. – Точно Гераклид чем-то заразил».

– Ну, если только ради Александра, – протянул Юлиус и тут же получил в ответ восторженное попискивание.

– Он рад, – «перевел» Леонид. – Я – тоже. Вам надо будет отправиться в Афины. Возможно, документ находится там, а возможно, и где-то еще, но о руководителе местной ложи Кочегаров у меня есть информация. Так что вы сможете все разузнать на месте. Мы договорились?

– Конечно, – кивнул Юлиус. – Можете на меня положиться.

Глава пятая. Откровения и прозрения

Чем крупнее полис, тем больше о нем пишут. Конечно, большинство новостей носят абсолютно внутренний характер, и газеты с ними даже не покидают городских стен, однако если рассматривать заметки о серьезных происшествиях и крупных политических событиях – о них трубят повсеместно.

«Создатель крылатой птицы не справился с управлением и врезался в храм Аполлона. Естествоиспытатель погиб, но драгоценные статуи не пострадали...»

«Взрыв на ткацкой фабрике. Уничтожено несколько самых крупных станков. Работники перепуганы, но живы...»

«Городской совет готовится начать мероприятия по реставрации крупнейших храмов полиса. Общество планирует выступить против. Обновление святого – не есть ли это святотатство?...»

Юлиус пробежал последнюю газетную страницу и откинулся в мягком кресле. Потянулся. Хрустнул плечами. Он наслаждался каждой минутой дороги. В последнее время у мошенника входило в привычку путешествовать с комфортом: первый класс «Афинского экспресса» – это вам не сцепка между товарными вагонами на окраине мира! Блестящая фурнитура, мебель из темного дерева, вежливый до приторности прислужник... Хотя бы ради этого стоило согласиться на сотрудничество с Леонидом.

С другой стороны, задание выглядело слишком туманным. Взять, к примеру, фигуру руководителя афинской ложи Кочегаров. Информация, собранная Леонидом Стадисом, была скудна: живет недалеко от главной площади, холост, состоит в клубе любителей искусства при обществе аполлонофилов, дружит со многими чиновниками – далее шел список имен – и редко посещает питейные заведения. Даже если предположить, что факты собирались буквально по крупицам, Юлиус не мог не отметить, что сведений было маловато. Либо нанятые сыщики работали из рук вон плохо, либо Колосс Диагорис был весьма скрытным человеком. Что обычно ни в коей мере не свойственно представителям породы газетных писарей, к которым относился Диагорис.

Леонид всучил мошеннику в дорогу увесистую стопку серой бумаги с мелким текстом – в самый раз, чтобы испортить себе зрение, особенно если читать в движущемся вагоне. Юлиус обычно не жаловал газеты, потому что врать он и сам умел виртуозно, а крупницы истины были в статьях столь редки, что их поиски не стоило и тратить время. Однако он послушно просмотрел вырезки, а через несколько часов пути даже увлекся.

Картина складывалась любопытная – писарь кропал заметки, в основном о происшествиях и несчастных случаях, изредка сбиваясь на социальные темы, и почти все несчастья происходили именно с инженерами, механиками, кузнецами... С теми, чья судьба так волновала Леонида Стадиса.

В итоге, еще не ступив на платформу Афинского вокзала, мошенник успел невзлюбить будущую жертву. Ему не нравилось, когда начинали смаковать чужие несчастья, а писарь как раз этим и занимался в своих творениях.

...

«Улица Облачная», как значилось на табличке, по мнению Юлиуса Корпса, должна была называться «Смоговая». Ее, расположившуюся в небольшой низине, облюбовал дым от соседних фабрик. Это сразу же добавило мошеннику нелюбви к треклятому Диагорису, который даже не удосужился выбрать себе жилье поприличней.

Перво-наперво он прогулялся вокруг дома. Поскольку лучшая маскировка – это, как известно, ее полное отсутствие, Юлиус при этом еще делал вид, что потерял собаку.

– Аруна! Аруна, Орк тебя побери! Куда ты запропастилась, негодная девчонка? Ну, подожди, доберусь я до тебя, – кричал мошенник, взмахивая руками и ругаясь сквозь зубы.

Не прошло и пяти минут, как Корпс стал частью местного пейзажа. Все окрестные жители, которым вздумалось поинтересоваться о предмете поиска, тут же были посвящены в историю «несносной и неблагодарной оглоедки», как называл собаку мошенник. Многие советовали, где лучше поискать; некоторые заикались о вознаграждении – таких Юлиус сразу отваживал, сокрушаясь о бедности; одна маленькая девочка даже предложила Корпсу взять нового щенка, потому что «недалеко, возле дома Кируса, собака родила, а собачек слишком много, чтобы прокормить». От последнего предложения мошенник благоразумно отказался, однако к концу поисков сам настолько поверил в существование Аруны, что, вспомнив о первоначальной цели поисков, даже расстроился.

«Сентиментален становлюсь, – с неудовольствием подумал мошенник. – То деятелей науки на путь истинный наставляю, то кротов спасаю. Что это? Старость? Или я повзрослел и уже мысленно готов к тому, чтобы завести кого-нибудь, о ком можно заботиться? Может быть, даже детей...»

От размышлений его отвлек человек, вышедший из патрулируемого Юлиусом дома. Колосс Диагорис – вряд ли это был кто-то другой – не обратил никакого внимания на мошенника и неспешным прогулочным шагом отправился в сторону центральной части города.

«Пора за работу», – скомандовал себе Корпс и, продолжая взывать к пропавшей Аруне, устремился следом за писарем.

Тот шел прямо, не оборачиваясь и не осматриваясь. Изредка здоровался с прохожими. В общем, вел себя, как благонравный гражданин. Но наметанный глаз мошенника выявил в походке и поведении жертвы некий изъян. Будто человек знал нечто такое, что делало его в собственных глазах великим. Теперь Юлиус тоже был уверен в этом и не сомневался, что в ближайшем будущем Диагорис всеми этими знаниями с удовольствием поделится.

В предвкушении от скорого завершения простого дела – и стоило ли ехать так далеко? – мошенник плотоядно усмехнулся, свернул следом за жертвой за угол и не успел удивиться, как его взяли под руки два крепких молодых человека. Да не просто взяли, а развернули и повели в противоположную сторону.

– Позвольте! – возмутился Корпс, пытаясь высвободиться. – Что тут происходит? Должно быть, это какая-то ошибка!

Хотя по тому, как все было гладко проделано, мошеннику было понятно, что никакой ошибки нет. Работали профессионалы, и целью их являлся именно Юлиус.

«Итак, меня куда-то ведут, – мысли скакали в голове Корпса, как Пан и его свита по весне, в то время как мошенника тащили по узким проулкам, крутым лестницам с оббитыми ступенями и по задним дворам. – Ведут – это уже хорошо. Могли бы сразу огреть по голове. Значит, на жизнь и здоровье мое пока не покушаются. Хотя... Бесчувственное тело нести труднее, чем пленника на своих двоих»

Юлиуса передернуло.

Он не испытывал сомнений в том, что «взятие в плен» было напрямую связано с охотой на Диагориса. Ибо несмотря на то, что вели его по лабиринту из маленьких грязных улочек, в котором любой другой уже давно бы заблудился, двигались они в направлении того самого дома, вокруг которого еще полчаса назад мнимый собаковод предавался мнимой

печали о мнимо утерянной псине. И остановились в аккурат на знакомом, видимом сквозь щель в заборе заднем дворе, рядом с мусорными жбанами и дворовыми кошками. Те распушили загривки и хвосты и недовольно зашипели в сторону незваных гостей.

– Ты где?

Должно быть именно таким голосом Зевс разговаривает с неугодными оракулами в храмах. Чтобы вздрагивали от неожиданности, благоговели и боялись. Юлиус подпрыгнул от неожиданности, но от благоговения и боязни воздержался.

– Что? – спросил он

– Где ты сейчас находишься, можешь сказать?

– На заднем дворе у Колосса Диагориса.

Нет, таких совпадений просто не бывает. Значит, это не может быть совпадением. Корпс широко улыбнулся и даже ухитрился дружески хлопнуть одного из больших парней по ладони. И только потом медленно поднял глаза. Из чердачного окна выглядывал Лиссей, по прозвищу Фавн, любимый наставник Юлиуса и, по совместительству, самый удачливый вор страны.

– Вот теперь – узнаю, – Лиссей улыбнулся в ответ. – Узнаю и порицаю. Хотя... может, это вовсе не ты, а я взялся за дело, которое мне не по зубам? Настолько не по зубам, что даже ограбление музейного зала с обломком челюсти легендарной Сциллы не поправило бы положение.

– Может быть, ты объяснишь, что происходит?

– Ты всегда схватывал на лету, Юлиус, потому давай я тебе назову слово, а ты мне второе. Идет? Генеральный...

– ...план.

– Именно, – Лиссей кивнул. – Я не сомневался, что ты пришел за тем же самым. Так вот, спешу тебе сообщить, его здесь нет. Можешь не сомневаться. Мы с ребятами здесь все переворостили. Есть какие-нибудь идеи?

– Как минимум, одна, – Корпс изобразил на лице самую невинность. – Кто первым достанет, тот его и получит. Честное соревнование, без всяких хитрых маневров.

– И это говоришь мне ты?

– Да, и замечь, снова я говорю это тебе.

Фавн поморщился. Напоминание о том, что последнее соревнование между учителем и учеником он выиграл только благодаря наглому мошенничеству, ему не понравилось. Хотя, справедливости ради, это ведь было состязание в жульничестве.

– У меня есть другое предложение. Поднимайся сюда и потолкуем. Касиус, Летис, на вас – встретить клиента и предупредить нас.

Парни, державшие Юлиуса, исчезли так же быстро, как и появились перед ним. Корпс уважительно присвистнул. На кого бы ни работал Фавн, людей он нашел грамотных. А учитывая, что все свои дела Лиссей чаще всего проворачивал один (и лишь изредка с напарником), значит, он столкнулся с чем-то весьма трудным и нестандартным.

Юлиус Корпс влез в дом через раскрытое окно и аккуратно затворил его за собой, оставив лишь щелку, чтобы в случае чего не тратить лишнее время на отступление. Поднявшись на второй этаж, он подмигнул Фавну, и учитель заключил ученика в объятия, за время которых Юлиус пару раз перехватил руку Лиссея, пытавшуюся исследовать содержимое карманов Корпса.

– Не теряешь хватки, – нисколько не обиделся Фавн.

– А вот ты, похоже, теряешь, – мошенник продемонстрировал учителю часы.

– Оставь на память, – улыбнулся Лиссей. – А теперь слушай: моему клиенту достаточно копии плана. Оригинал можешь забрать себе. При таком раскладе – у нас никаких противоречий. И ничего не может помешать нам работать сообща.

- Пожалуй, что ты прав, – кивнул Юлиус. – И кто такой твой клиент, ты не расскажешь.
- Ну, ведь и ты не расскажешь, кто твой?
- Именно.

– Ладно, пустое. Главное – раздобыть бумажку. Вот-вот вернется хозяин, и нам надо поскорее убраться отсюда. Ума не приложу, где он прячет этот план. Мы обшарили все места, где он бывает. Вот, наконец, добрались до дома – и ничего. Осталось только попытаться обыскать его самого. Но тут надо действовать тонко. Если он начнет подозревать, то предупредит остальных, а значит – генеральный план либо перепрячут, либо станут охранять куда лучше. А скорее всего, и то, и другое.

Пока Фавн говорил, Юлиус меланхолично изучал комнату. Она была вычурна и роскошна. Скрываясь за личиной скромного писаря, Диагорис, тем не менее, смог найти деньги на прекрасный ковер, золотой подсвечник, стол из мореного дуба, большую библиотеку с дорогими изданиями, украшенными позолотой. Нет, этот человек определенно любил роскошь, и вот это и было его слабым местом.

- Мы никуда не уходим, – заявил Юлиус. – Наоборот, мы остаемся.

– Чтобы Диагорис вызвал стражников? Или испугался и сообщил своим? Твои планы всегда отличались некоторой извращенностью, но не до такой же степени, – Лиссей подозрительно посмотрел на Корпса. – Ты недоговариваешь.

– Разумеется, – кивнул мошенник. – Мы остаемся и сами станем этими «своими», которым он все сообщит. Насколько я понял, у них тут глобальная секретность. Мало кто знает всех, особенно в лицо. Выдадим себя за самое высшее начальство и расколем Колосса, как глиняного.

– За такое высшее начальство, которое вообще никто не знает. Отлично, – Фавн похлопал Юлиуса по плечу. – Вполне понятно, что такое начальство появляется в твоём доме, когда ты его не ждешь. И приносит плохие новости.

«О, Гермес, как же приятно работать с понимающим человеком», – думал Корпс, пока они с Лиссеем согласовывали детали. Творить вместе возможно только, если все творцы думают в одном направлении. Нельзя даже представить, чтобы подобный план родился у Юлиуса совместно с каким-нибудь Гераклидом. О, нет. Одинаковые принципы, схожий опыт и понимание людской психологии – вот что объединяло учителя и ученика.

Едва закончили распределение ролей и фраз, как с улицы послышался тихий свист. Фавн напрягся, затем расслабился и подмигнул Юлиусу.

– Пора браться за дело, парень. Учти, второго шанса не будет, так что постарайся сделать все, как следует.

– Ты тоже, мой друг, – хмыкнул Корпс, а затем задумчиво нахмурился. – Слушай, а этот список убитых и убиваемых инженеров, он так важен, что ли, что ты подрядился на это дело, да еще не один, а с командой?

- Список инженеров?!

Юлиус знал своего учителя как отличного актера. Он мог сыграть слепого, глухого, хромого, безрукого или безногого так, что ни один настоящий калека не заподозрил бы подвоха. Мог притвориться богатым бездельником или прижимистым скрягой. Изображать моряка и утонченного поэта. В общем, актерский талант Лиссея был безграничен. Но сейчас в его глазах застыло столь искреннее изумление, что Корпс моментально понял: его крупно обманули.

- Что, я влез в авгиевы конюшни? – сглотнув, поинтересовался он.

- По самую макушку, – кивнул Фавн.

Но отступать было поздно. Судя по приближающимся шагам, Диагорис уже подходил к кабинету. Лиссей подмигнул Юлиусу и скользнул в сторону. На случай, если жертва решит не удивляться и не восхищаться приходом высокоавторитетных персон в скромную обитель

столичного журналиста, Фавн сжимал в кармане металлическую трубку. Поднять ее к губам и дунуть – секундное дело, а яд на шипах, которыми стреляло приспособление, зарекомендовал себя как субстанция, годная для усмирения даже бешеных быков и профессиональных бойцов. Что уж говорить о перспективах шуплого домоседа...

– Я ждал этого вопроса!

Не произнесший никакого вопроса, а уж тем более не ожидающий застать чужих в своем доме, Колосс Диагорис застыл на пороге кабинета. Глаза его округлились и стали похожи на две пятидрахмовые монеты.

– Да-да, именно этого, который застыл в твоем взгляде! Ну, что же ты молчишь? Почему не позволяешь словам вырваться наружу и разбить скорлупу молчания? – Юлиус вскинул подбородок и торжественно повел перед собой ладонью, будто милостиво разрешая собеседнику говорить.

Но тот, вместо того чтобы воспользоваться разрешением, прижал руки к груди, кашляя и пытаясь прочистить горло, и стал медленно отступать назад.

«Успеет уйти?» – мошенник вздернул левую бровь и осторожно покосился на учителя.

«Не думаю!» – тот улыбнулся краем рта и пошел в атаку. Когда Фавн решал украсть что-нибудь или просто «пошалить», немногие осмеливались тягаться с ним в этом. Однако когда он начинал спорить или убеждал оппонента в своей правоте... О-о-о, тут ему не было равных.

– Мы ждали вас целых пятнадцать минут – непозволительно много, надо заметить. Обычно вы возвращаетесь с прогулки раньше. И, представьте, не обнаружили кочерги в камине. Более того – мы не нашли и самого камина. А это, знаете ли, тянет уже на неуважение к ордену. Ведь третья максима закрытого кодекса гласит... Или у вас еще не открыт доступ к этому параграфу?

У хозяина дома задергался подбородок. Он открыл и закрыл рот, как вытасенная на берег рыба – дрожащая, растерянная, испуганная рыба, которая думала, что нырнула к себе в подводную пещеру, а оказалась на суше, да еще под взглядами странных незнакомых личностей. Пауза затягивалась, однако Лиссей и не думал помогать оппоненту. Вместо этого он сделал шаг к шкафу с книгами и принялся ритмично стучать костяшками по полке.

– Да-да, – сначала Юлиус чуть-чуть разбавил молчание, потом сделал его еще более невыносимым, покачиваясь на скрипучей половице – с пяток на носки, с носков на пятки...

– Вы...

– Мы посвященные, – Лиссей не дал ему перехватить инициативу в разговоре. – Те, что поддерживают пламя в очаге даже в самые темные ночи, когда никто из членов ордена уже не может подкармливать очаг свежей едой. Те, кто следит за всеми фигурами на этой доске. Те, кто заботится о вас, дает пищу для ума и поводы для размышления. Те, кто написали генеральный...

– План? – судя по голосу, к Диагорису наконец вернулись и мужество, и дух корреспондента, который всегда старается бежать впереди мысли собеседника.

– Молчи! – Фавн приложил длинный палец к губам и зашипел, как змея.

Юлиус повторил его жест:

– Тс-т-тс... Ты же помнишь, что тайна – превыше всего. Хранящие общую тайну – братья. Тайна объединяет нас. Но... ведь и у стен могут быть уши. Ты уверен, что все знаешь о собственном доме? Например, о тайном ходе, через который мы пришли?

– Н-н-нет, – пролепетал Диагорис, но тут же собрался и начал вещать так, будто всю жизнь готовил эту речь. – Конечно же, я не мог думать, что знаю все. Только глупец отвечает на все вопросы с уверенностью, а настоящий философ всегда сомневается. Нет, я не никогда не пытался считать себя истинным знатоком всех вещей. Но я старался. Я честно старался исполнять свой долг, в чем бы он ни заключался!

Колосс замолчал, переводя дух, и в этот момент Лиссей вздернул брови.

– Честно исполнял долг? Стыдись! Что за пафос...

– Откуда вы узнали?!

Вот теперь Диагориса проняло по-настоящему. Он прижал руки к груди и по очереди переводил взгляд с одного мошенника на другого. В глазах затаилось восхищение, смешанное со страхом. Руки поползли вверх, закрыли лицо, и Колосс содрогнулся, будто в конвульсиях.

– Я пропал, – сдавленно прошептал он.

Юлиус понял, что Лиссей сказал что-то не то. Причем такое «не то», которое по счастливой случайности оказалось «тем, что надо». Взглянув на учителя, Корпс понял, что тот лихорадочно соображает, как бы теперь этот случайный успех развить.

– Покайся, – Юлиус протянул руку вперед. – Покайся, Диагорис. Искреннее раскаяние не сможет потушить костер служения, а лишь только разожжет его больше.

– Это все алхимики. Местный представитель Ордена сказал, что там происходит нечто странное. Он хотел проверить план, тщательней изучить его, как бы ни случилось непоправимого. К тому же, там подобный документ куда легче спрятать. Наш человек за всем присмотрит.

– Хм, – нахмурился Лиссей. – Ты позволил себе подобные решения?

– Но я же получил план на хранение, – в свою очередь нахмурился Диагорис, и тут Юлиус понял, что это плохой знак. В этой истории было много такого, о чем они даже не знали, а потому не следовало этого показывать. – К тому же это всего лишь первый экземпляр. Копии спрятаны куда надежней. Вы что, проверяете меня?

– Конечно-конечно, – Корпс кивнул и, достав из торбы мешок с деньгами, бросил его на стол.

От удара ткань треснула, и часть монет раскатилась по деревянной столешнице. Некоторое время в комнате слышался лишь звон металла.

– Истинным кочегарам требуется подбрасывать металл в топку жизни, чтобы огонь разгорался все ярче, – прервал молчание Юлиус.

– Благодарю вас, – Колосс быстро сплел пальцы в замок, вывернул его ладонями вперед, а затем вновь скрестил руки на груди.

Корпс, не ожидавший подобного, не сразу понял, что произошло. Лиссей, в отличие от ученика, быстрее опомнился и повторил движения Диагориса.

– Кто вы такие? – прошипел тот в ответ.

«Неправильно», – понял Юлиус.

Выхватив трубку, Фавн выстрелил дротиком точно в шею Колосса. Тот, схватившись рукой за рану, пошатнулся, попытался ухватиться за спинку стоявшего рядом стула, но в итоге упал вместе с ним. Из кожаной сумки, которую на протяжении всего разговора Диагорис прижимал локтем к боку, выкатились два свитка – с огромными печатями ордена.

Юлиус нервно сглотнул и посмотрел на учителя. Тот не выглядел сильно расстроенным. Подмигнув ученику, он подхватил монетку со стола, подбросил в воздух и поймал, закрыв ладонью.

– Я сделал кое-что не так, – ровным голосом произнес Лиссей. – Но и ты ошибся. Если «орел», то виноват я. «Решка» – ты.

– И что от этого будет зависеть?

– Кто будет все это расхлебывать.

– А второй, стало быть, просто получит в итоге генеральный план или его копию?

– Да, – Фавн улыбнулся. – Правда, хорошее пари?

– Согласен, – Юлиус кивнул. – Только монета у тебя в руках. Это не очень хорошо. Пусть она упадет на пол.

Лиссей хмыкнул и вновь подкинул монету. Теперь ее уже никто не ловил, а потому, не единожды перевернувшись в воздухе, она упала на мягкий ковер. Корпс подался вперед и горько усмехнулся.

– Стало быть, мне придется выкручиваться. Надеюсь, у тебя-то есть план?

– Обижает, – Фавн был подозрительно спокоен. Никаких следов буйной радости. Может быть, он рассчитывал проиграть? – Для начала надо будет разобраться с нашим дорогим Диагорисом. Его мы заберем с собой. У меня есть человек, который изучил большинство повадок и привычек. Какое-то время он сможет вполне сносно изображать Колосса, это даст нам лишнее время. А ты, мой друг, отправишься на Пафос. Надеюсь, ты понял, что именно там Диагорис спрятал план? Вижу, что понял. Ты очень понятливый, Юлиус. Поэтому хвалю тебя и порицаю.

– За что? – хмыкнул ученик.

– За доверчивость.

Лиссей вздохнул и поднял с пола монету, после чего перебросил ее Корпсу. Тот поджал губы, покрутил металлический кругляшок в пальцах и выругался. На обеих сторонах была «решка».

А дальше время сжалось, как пружина, и минуты покатились вперед с ужасающей быстротой...

Юлиус, пыхтя и с трудом переводя дыхание, ворвался в библиотеку, благо, она находилась всего в двух кварталах от дома несчастного Колосса, выпросил все имеющиеся в наличии книги о шифрах и кодах, даже бывшие в единственном экземпляре в читальном зале, и покинул храм знаний через подвальное окно с десятком краденых томов. Некоторые из них отличались изрядной толщиной, поэтому к пристани Корпс явился на две минуты позже назначенного времени.

Он оглянулся по сторонам и заметил Лиссея, который махал ему с высокого борта пузатого торгового судна. Когда Юлиус подошел к трапу, Фавн выбежал ему навстречу:

– Давай-давай, быстрее, посудина уже отходит. Листы с шифрами ордена, позаимствованные у Колосса, я положил на столе в твоей каюте. Можешь всю дорогу наслаждаться расшифровкой.

– Я думал... – мошенник опешил. Он, надо признаться, не слишком часто путешествовал по воде и делал это лишь в случае крайней необходимости.

– Думал, что на остров можно доехать поездом? Скажи на милость, ты когда-нибудь видел рельсы среди волн?

– Не иронизируй, Фавн. Конечно, я собирался плыть на корабле. Только сначала рассчитывал хотя бы пообедать на твердой земле. И, как минимум, расспросить тебя подробнее о документе.

– Время не терпит. Нужно как можно быстрее отправляться в путь, пока сообщники Диагориса ничего не поняли. Того, кто в море, сложно выследить – на воде не остается следов, а маршруты торговых судов то и дело меняются. Ставлю сто к одному, что тебя не догонят.

– Хотелось бы верить, что ты уверен в своей ставке.

– Как никогда, – Лиссей сжал плечо Юлиуса и пристально посмотрел ему в глаза. – Ты справишься. Ничего не может вести к успеху лучше, чем горы золота...

– Горы? Ты ничего не путаешь?

– Клянусь крыльями на сандалиях Гермеса, – Фавн с улыбкой приложил ладонь ребром к груди и чуть поклонился. Жест, скрепляющий воровскую клятву, которому вот уже несколько тысячелетий. – Если нам удастся завладеть документом, мы будем буквально купаться в драмах. Я провожу тебя до пирса на другом краю бухты. Там будет небольшая

остановка, корабль загрузится, заодно должны подвезти для тебя провизию, карты, увеличительные стекла – они еще понадобятся для расшифровки бумаг или наблюдений.

«Ишь, как расстарался, – подумал Юлиус, с благодарной улыбкой хлопая учителя по плечу. – Ничего не жалко для чужих рук, которыми решил загрести жар. Ну ладно, дружок, вот будет жар у меня, тогда и потолкуем... С другой стороны, нашел корабль, обо всем договорился... Не пришлось лишний раз волноваться».

Хотя волноваться Юлиусу как раз стоило бы. Пока трап еще не убрали, по нему на корабль пробрался некто, нашел люк, ведущий в грузовой трюм, и свалился туда, охая и яростно ругаясь шепотом. Объектом ругательств выступал некий «проклятый Корпс» и тот факт, что «вечно приходится его выручать».

Часть вторая: Киклады – Кипр

Глава шестая. Капитаны и крысы

По деревянному столу, цокая коготками, пробежал облезлый крысенок. Добравшись до хлеба, он приподнялся на задние лапки и деловито ощупал корку усами. Обнюхал. Повертел носом и, вытащив из-под недоеденного бутерброда кусок сыра, принялся тут же его жевать, не обращая внимания на Юлиуса.

– Приятного аппетита, дружок – пробормотал тот и, поднявшись из-за стола, двинулся к иллюминатору.

Вот уже две недели морской пейзаж не менялся. Сине-зеленые волны с белыми барашками, лениво тянущиеся над горизонтом кучевые облака, изредка – паруса или пароходные трубы, иногда – маленькие острова. Правда, мошеннику казалось, что это один и тот же остров, неизменно вынырывающий впереди по курсу раз за разом. Пожалуй, Юлиус начал понимать трагедию Одиссея и даже искренне сочувствовал ему, хотя тот и умер тысячи лет назад. Когда путь к цели кажется бесконечной сменой одной и той же картинки в диораме, поневоле начинаешь сомневаться – а движешься ли ты куда-либо вообще?

Между тем, Фавн клялся именем Гермеса и всеми комплектами его крылатых сандалий, что путь мимо Киклад будет самой приятной частью путешествия. Возможно, для пресыщенного суетой старца или томной матроны все действительно так и было бы, но Юлиус уже через пару дней пути взвыл от безделья и невозможности покинуть дурацкое судно. К тому же, торговый корабль со странным названием «Танцующий» был не слишком рассчитан на пассажиров. Мошенник успел дважды расквасить подбородок из-за того, что в крошечную каюту вел узкий коридор с выступами на стенах в самых неожиданных местах. Трижды споткнулся о сваленные на палубе канаты. Получил по затылку, неудачно оказавшись под парусами в тот момент, когда судно меняло галс. И неисчислимое количество раз расстался с содержимым желудка.

В каюте он чувствовал себя лучше, его не так мутило, да и сахарно-приторные виды моря-с-островами – хоть сейчас на рекламные листовки в кассу любого пассажирского пароходства – не так раздражали.

Первое время Юлиусу казалось, что у него есть нужное дело, которое займет все время пути – те самые ключи-шифры, захваченные из сумки Диагориса. Однако... то ли орден Кочегаров изобрел сверхсложный код, то ли украденные из библиотеки книги по дешифровке были написаны профанами. Промучившись два вечера над знаками, загадка которых оказалась ему не по зубам, Юлиус аккуратно сложил потрепанные томики на пол, а ключи – на дно торбы. И занялся дрессировкой крысенка, который повадился приходить в каюту каждое утро после завтрака и выпрашивать крошки со стола. Надо сказать, в искусстве дрессировки мошенник преуспел гораздо больше, чем в изучении тайн ордена.

– Очень предусмотрительно, – размышлял Юлиус, подперев щеку кулаком и разглядывая нового длиннохвостого друга. – Можно сказать, собственный карманный сигнальный гонг. Как только ты побежишь с корабля, я буду знать, что пора делать ноги. Главное, раньше на глаза капитану не попадись, иначе он отправит тебя в незапланированное плавание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.